

Михаил СЕРЯКОВ

РУСЫ ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

Неведомая Русь

Михаил Серяков

**Русы во времена
великих потрясений**

«ВЕЧЕ»

2017

Серяков М. Л.

Русы во времена великих потрясений / М. Л. Серяков —
«ВЕЧЕ», 2017 — (Неведомая Русь)

В книге рассматривается история различных групп наших предков на протяжении примерно двух тысячелетий. За этот период русы приняли участие во многих исторических событиях, предопределивших судьбы Европы, – от переселения предков иранцев на территорию современного Ирана до передвижения готов и гуннов, приведших к Великому переселению народов. Впервые в отечественной науке приводится уникальное письменное свидетельство существования страны Рас еще в ассирийскую эпоху. На основании комплексного анализа данных целого ряда наук, таких как история, археология, антропология, генетика и сравнительная мифология, автор показывает формирование двух основных центров расселения русов – на Балтийском море и в Приднепровье, объединение которых впоследствии и привело к созданию Древнерусского государства. Подробно рассматриваются взаимоотношения различных групп русов с готами и гуннами. Также в книге описываются русо-аварские взаимоотношения, а также приводятся факты о появлении отдельных групп наших предков в Поволжье, Прикамье и в землях пруссов. Книга предназначена как историкам, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросом происхождения своего народа.

© Серяков М. Л., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Путь на юг	9
Глава 2. Возвращение в Европу	23
Глава 3. Южное побережье Балтики на рубеже эр	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Серяков Михаил Леонидович

Русы во времена великих потрясений

© Серяков М.Л., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Вступление

Настоящая книга является продолжением исследования «Великое начало: рождение Руси», посвященной древнейшей истории наших предков. В первой книге было показано, что значительную часть носителей культур боевых топоров и шнуровой керамики составляли протославяне. Часть из них на рубеже III–II тыс. до н. э. из Центральной Европы отправилась на восток и на берегах Волги создала балановскую культуру. На новой родине они вступили в тесный контакт с индоиранскими племенами, потомки которых впоследствии создадут великие цивилизации Ирана и Индии. Следы этих контактов отразились как в языковой сфере, так и в сфере религии. Лингвисты констатируют санскритскую этимологию имени славянского бога-кузнеца Сварога, а происхождение эпитета его сына Дажьбога как бога-подателя, дающего бога, помогает понять ведийское выражение *daddhi bhagam* «дай долю/богатство». С другой стороны, образ Индры-зверя в отечественной «Голубиной книге» позволяет понять истоки образа громовержца Индры, который в ведийскую эпоху становится антропоморфным верховным божеством у индийцев. Паре верховных богов Древней Руси Перун – Волос ближе всего соответствует пара Варуна – Митра ведийских ариев, а отечественной богине Мокоши соответствует не только приток Волги Мокша, но и понятие **мокшамарга** – «дорога к освобождению», с которой в индийской йогической традиции связана богиня Сарасвати.

В ходе этих контактов наши предки неизбежно должны были узнать и древнейшее название Волги у индоариев – Раса. Впоследствии эта великая восточноевропейская река упоминается Агаремером в III–IV в. н. э. в форме Рос, а мусульманские средневековые писатели называют ее уже Рус. Но если форма Рос естественным образом получалась из индоарийского Раса, то этого нельзя сказать о форме Рус. О.Н. Трубачев в свое время показал, что «двойственная огласовка корня» **у/о: Русь – Россия** может быть объяснена только с учетом специфически индоарийской особенности чередования гласных **о (au)**. Переходную форму мы видим в названии южнославянского города Раусия-Рагузы-Дубровника. О том, что еще до ухода индоариев на юг по имени реки стала называться и окрестная территория, свидетельствует название Расатала. Согласно древнеиндийскому эпосу там находилась корова исполнения желаний, следы культа которой мы видим и в славянской традиции. Образу священной коровы у наших предков предшествовал образ вещей турицы. Производным от нее является образ правителя-тура, истоки которого уходят в глубокую древность и следы которого в историческую эпоху фиксируются только в кельто-итало-славяно-иранском ареале.

Из славяно-иранских мифологических контактов следует отметить генетическое родство Трояна «Слова о полку Игореве» и южнославянского фольклора образу иранского Трайтаона-Феридуна, отца Салма, Тура и Эраджа. Сама Авеста локализует место жительства Трайтаоны относительно недалеко от Ранхи-Волги. В иранской мифологии как Трайтаона, так и Ардви Сура Анахита тесно связаны с образом Хварно – мистической сущностью власти, одним из воплощений которого была птица Варагн, облик которой мог принимать и бог войны Веретрагна. Поскольку лингвисты с именем последнего божества связывают происхождение названия славянского мифического сокола Рарога, точно так же имеющего прямое отношение к богатству и власти, очевидно, что его образ сложился в зоне славяно-иранских контактов. То обстоятельство, что представления об аналогичном мифическом существе присутствуют в фольклоре некоторых неславянских народов Поволжья, принадлежащих к различным языковым семьям, указывает на тот ареал, где в древности и происходили данные контакты.

С антропологической точки зрения балановцы принадлежали к узколищному долихокранному европеоидному типу, который некоторые специалисты именуют также понтийским или восточносредиземноморским. Следы его сохранились у средневековых вятичей, а также у некоторых современных финно- и тюркоязычных народов Поволжья. Также в Волго-Окском

регионе мы видим один из наиболее существенных максимумов **R1a-M558**. Сама эта гаплогруппа свойственна в основном славянам, и по ареалу своего распространения с очень большой долей условности ее можно назвать гаплогруппой Словена и Руса. Однако в Поволжье она с достаточно высокими значениями присутствует у многих народов вне зависимости от их языковой принадлежности. Это обстоятельство указывает на достаточно большую древность ее появления в регионе, и со значительной степенью вероятности можно предположить, что ее носителями были именно балановцы. Изучение древнейших славяно-финно-угорских контактов привело О.Б. Ткаченко к выводу, что балановцы говорили на славянском языке. Данное обстоятельство объясняет древнейшие славяно-тохарские и славяно-индоарийские языковые контакты, отмеченные лингвистами. Исследования археологов показывают, что балановцы были носителями достаточно высокого для своего времени уровня культуры, занимаясь скотоводством, земледелием, владея искусством обработки бронзы и меди. По всей видимости, вместе с носителями соседней фатьяновской культуры, с которыми у них были мирные отношения, они участвовали в процессе распространения из Поволжья на значительную часть Восточной Европы культуры сетчатой керамики. Вполне возможно, что память об этом обстоятельстве отразилась в достаточно поздней отечественной «Повести о Словене и Русе». Однако после этого имела место мощная волна финно-угорской миграции, что также нашло свое отражение в «Повести».

В XIII в. до н. э. часть балановцев переселяется на территорию современной Латвии, на что указывает антропология и археология. Именно там при описании событий I тыс. до н. э. датский средневековый автор Саксон Грамматик указывает Русское королевство, на которое напали даны. Из его сочинения следует, что уже в ту далекую эпоху русы имели государственность, города и значительный флот. Появление укрепленных городищ в Прибалтике на рубеже II–I тыс. до н. э. и фиксация чуть позднее в регионе древних погребений скандинавского происхождения подтверждает достоверность этого сообщения «Деяний данов» и позволяет определить примерное время первого столкновения данов и русов. Данные лингвистики указывают, что связанные с мореходством и торговлей термины были заимствованы живущими близ Балтийского моря различными народами именно из славянского языка, и подтверждают описание Саксоном Грамматиком Прибалтийской Руси именно как морской державы. В генетическом отношении помимо славянской гаплогруппы **R1a-M558** в регионе присутствует еще и индоиранская **R1a-Z93**, которая в сколько-нибудь значимом количестве в Европе фиксируется только в Заволжье. Это говорит о том, что в своем движении на берега Балтики русы увлекли за собой и часть индоиранцев, с которыми они были соседями на берегах Волги. Точно так же узколиций долихокранный антропологический тип помимо северо-запада Латвии, Эстонии и юго-запада Финляндии в среде финно-угров присутствует только у волжской мордвы. Сопоставление между собой обоих ареалов никак не связанных друг с другом биологических признаков помогает очертить примерные границы Прибалтийской Руси, которые согласуются со сведениями, изложенными в «Деяниях данов».

С другой стороны, на своей волжской прародине наши предки столкнулись с серьезной угрозой с юга. Археологи фиксируют агрессивную экспансию на территорию балановской культуры абашевцев, в которых многие специалисты видят ираноязычные племена. Утратив часть своей земли, балановцы на реке Суре возводят свои первые укрепленные поселения, с помощью которых они смогли остановить продвижение абашевцев. Напряженная борьба несомненно ослабила носителей обоих этих культур, в результате чего они не смогли отразить нашествие сейминско-турбинской орды. По мнению исследователей, сейминско-турбинская культура образовалась в результате объединения племен Алтая и восточносибирской тайги между Байкалом и Енисеем, а ее костяк составили представители монголоидного типа. Научившись производить достаточно совершенное для своего времени оружие и обладая развитой социально-клановой иерархией, во главе которой стояли металлурги-коневоды, сейминцы двину-

лись на запад, включая в свой состав представителей встречавшихся им по пути племен, в том числе и ираноязычных. По мощи своего вооружения эти кочевники не имели себе равных в Сибири и Восточной Европе конца эпохи ранней бронзы. Избегая степей, они через тайгу вышли к Уралу и около XVI в. до н. э. (предлагались и другие даты) ворвались в Европу, где связанные с ними предметы встречаются от Финляндии до Молдавии. По мнению С.В. Большова, именно сейминцы разрушили абашевскую и балановскую культуры. Данное обстоятельство оказало большое влияние на носителей последней культуры. Часть из них осталась в Поволжье, будучи захлестнута и, судя по всему, постепенно ассимилирована финно-угорской волной. Утратив как самоназвание, так и этническое самосознание их потомки частично сохранили свойственный балановцам антропологический тип в регионе. Другая часть, как было сказано выше, ушла в Прибалтику, где не только сохранила свое имя, но и создала собственное королевство. Но была и еще одна часть, которая в результате всех этих событий оказалась далеко на юге за пределами своей волжской прародины.

Глава 1. Путь на юг

Поскольку часть территории балановцев была завоевана абашевцами, определенная их часть оказалась в составе данной культуры. На это указывает целый ряд археологических данных, выделенных В.Ф. Каховским: «Балановские племена составляли, по-видимому, один из компонентов формирования абашевской этнокультурной общности. Совпадение территории распространения памятников культур балановцев и абашевцев, однотипных орудий и украшений (медные наконечники копья со свернутой втулкой, височные кольца из меди, бронзовые пронизи, вислообушные топоры и др.), сходство орнамента (расположение узоров зонами, разделенных линиями, общие элементы орнамента – ромб, треугольник, зигзаг, прямоугольник, вертикальные полотнища, спускающиеся на стенки сосуда и др.); сходные черты погребального обряда (захоронения в скорченном положении в грунтовых ямах), преемственное развитие скотоводческого и земледельческого хозяйства и т. д. – все эти параллели достаточно убедительно говорят о генетических связях абашевцев с балановцами, между которыми существовали тесные культурные связи. Не случайно позднебалановские памятники сосуществовали с абашевскими могильниками (Тохмеевский могильник и Шоркинское поселение, Абашевский могильник и Абашевское поселение хуласючского времени и т. д.)». Исходя из этого, археолог сделал следующий вывод: «Группа балановского населения смешалась с абашевскими племенами и участвовала в развитии их культуры»¹. Правда, следует отметить, что, признавая многочисленные аналогии между балановской и абашевской культурами, исследовавший первую археологическую культуру О.Н. Бадер подчеркивал, что между ними не существует генетической связи².

Вне зависимости от того, кто из этих специалистов был прав в данном вопросе, последующие исследования подтвердили различные связи между балановской и абашевскими культурами, а точнее, между одним региональным вариантом последней. Согласно предложенной С.В. Большовым периодизации второй этап средневожской абашевской культуры характеризуется погребениями с сосудами с геометрическим орнаментом. Поскольку на ранней абашевской керамике Среднего Поволжья подобный орнамент отсутствует, наиболее обоснованной представляется гипотеза о сильном воздействии на проникших в Среднее Поволжье абашевцев со стороны балановцев, для памятников которых на реке Мокше и в среднем течении реки Оки геометрическая орнаментация была характерна³. Аналогичное сходство с балановцами для абашевцев Среднего Поволжья О.В. Кузьмина отмечает и в отношении некоторых видов оружия: «Абашевские топоры делятся на подтипы, что отражает самостоятельное существование трех групп абашевского населения. Средневожская (сурско-свияжская) группа более других сохранила лесные, постшнуровые, фатьяновско-балановские традиции, так как, оставаясь на своей территории, абашевская культура не подвергалась влиянию других культур». Можно также предположить, что средневожские наконечники копий являются самыми ранними среди абашевских, прототипом которых послужили именно балановские наконечники. «Для наконечников копий с открытой сверху втулкой можно наметить типологическую цепочку: балановские – абашевские – синташтинские и покровские»⁴.

¹ Каховский В.Ф. Археология Среднего Поволжья. Чебоксары, 1977. С. 48, 42.

² Бадер О.Н. Балановский могильник. М., 1963. С. 265 – 266.

³ Ставицкий В.В. О некоторых дискуссионных проблемах изучения лесной полосы Среднего Поволжья в бронзовом веке // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Том. 2. Пенза, 2008. С. 61 – 63.

⁴ Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла. СПб., 2000. С. 83, 91.

На возможность участия балановцев в формировании абашевской культуры на территории современной Чувашии указывала еще в 1950 г. антрополог Т.А. Трофимова⁵, а уже в наше время А.А. Хохлов констатировал: «В целом большинство специалистов, работавших с абашевской и балановской краниологией, считает, что основным антропологическим компонентом в сложении носителей этих культур был типологически близкий к вариантам средиземноморской ветви»⁶. Впрочем, на составленном А.А. Казарницким графике мужских краниологических серий эпохи бронзы Восточной Европы (рис. 1) мы видим, что наиболее близки к балановцам оказались не абашевцы, а носители срубной культуры Башкирии, культуры многоваликовой керамики (бабинской), лолинской культуры, чуть дальше расположены представители покровской (раннесрубной) культуры из Самарской области и срубной культуры из Ростовской области. Две серии представителей фатьяновской культуры и одна серия абашевцев находятся в некотором удалении от балановцев, что подтверждает антропологическое различие между данными племенами. Следует отметить, что еще во время существования балановской культуры связанные с ней находки фиксируются на срубных поселениях Самарской Луки у Моечного озера и села Ермаково в Куйбышевской области, на поздняяковской стоянке в устье реки Оки на западной окраине Горького⁷, что, скорее всего, свидетельствует о появлении каких-то групп балановцев в среде срубного населения.

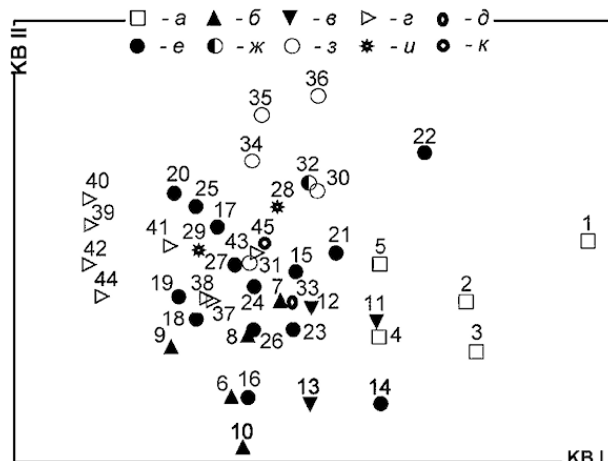

Рис. 1. Составленный А.А. Казарницким график положения мужских краниологических серий эпохи бронзы Восточной Европы в координатном пространстве первых двух канонических векторов. Цифрами отмечены: 2 – фатьяновская культура: могильники Олочинский, Болинево II, Волосово-Даниловский; 4 – фатьяновская культура: могильники Ковровский, Ханевский, Тимофеевский; 5 – балановская культура, Балановский могильник; 11 – бабинская, или культура многоваликовой керамики; 12 – лолинская культура; 15 – срубная культура Ростовской области: могильник Ясырев; 21 – срубная культура Башкирии; 33 – покровская (раннесрубная) культура Самарской области; 45 – абашевская культура, Чувашия

Однако и сама абашевская культура, как уже отмечалось во вступлении, погибла в результате вторжения сейминско-турбинских племен, а ее носители влились в население других археологических культур. Анализируя процесс культурогенеза в Восточной Европе и смежных территориях, В.С. Бочкарев констатировал: «Первичное ядро волго-уральского очага составил

⁵ Трофимова Т.А. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // Советская этнография. 1950. № 3. С. 61.

⁶ Хохлов А.А. Раритетные палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы Самарского Поволжья и Приуралья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Вып. № 6 – 1. Т. 12. С. 248.

⁷ Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры. М., 1976. С. 81 – 82.

блок из трех культур: покровской, синташской и петровской. (...) Наиболее заметен, причем во всех трех частях блока, абашевский компонент (в “синташте” и “петровке” – в баланбашском варианте, а в “покровске” – в средневожском). Абашевское наследие хорошо проявляется в керамике, металле и некоторых других категориях материала. Но, как правило, выступает уже в трансформированном виде»⁸. Он отмечал, что в результате вторжения сейминско-турбинских племен часть абашевцев была вынуждена передвинуться в южном и юго-восточном направлении, став основой формирования очерченного выше культурного блока. Весьма высокий вклад абашевцев в сложение срубной культуры отмечали и другие археологи. Так, например, В.В. Отрощенко, констатируя, что в ранних погребениях срубной культуры присутствуют элементы абашевской, сделал следующий вывод: «Из культур предсрубного горизонта наибольший вклад в сложение срубной внесла абашевская культура. Речь идет о реальном вкладе, фиксируемом по материалам многих поселений и сотен погребений по всему срубному ареалу, за исключением самых дальних окраин. Этот вклад нельзя объяснить контактами между носителями абашевской и срубной культур, так как первая предшествует второй»⁹. Вполне возможно, что, спасаясь от азиатского нашествия, вместе с абашевцами переселилась на новые места и часть балановцев.

С этими археологическими сведениями следует сопоставить данные антропологии и одонтологии. Данные первой науки не противоречат такому предположению: «Где-то в XVI–XV вв. до н. э. Волго-Уралье наполняют раннесрубные – покровские культурные традиции. Несколько могильников происходят с территории Самарского Поволжья. Антропологический материал, в некоторых случаях довольно представительный, дали курганы, исследованные у сел Спиридоновка (Спиридоновка II), Рождествено (Рождествено I), Уваровка, Новая Орловка. Вопреки ожиданию, носители покровских традиций оказались довольно резко отличными от своих территориальных предшественников – потаповского населения. Во всех перечисленных сериях не то чтобы был слабо представлен гиперморфный, мезокранный антропологический компонент, его там практически нет. Основу населения, оставившего названные покровские памятники, составили долихокранные, сравнительно узколицые европеоиды. Едва ли можно предположить, что они могли являться продуктом метисации европеоидных и уралоидного компонентов, отмеченных в потаповских сериях.

Краниологически они оказались наиболее сходными с европеоидами древнесредиземноморского происхождения. Следует сказать, что ко времени средней и поздней бронзы ареал средиземноморского комплекса заметно расширился. Непосредственно в досрубное время он уже доминировал в степном Приднепровье (культура многоваликовой керамики), Среднем Поволжье (культуры балановская и абашевская), Средней Азии. Отмечен он и в местных – полтавкинских (со скорченными на боку костяками), отчасти потаповских, а также южноуральских синташтинско-петровских материалах. Какие из средиземноморских потомков внесли больший вклад в формирование покровского населения, сказать пока трудно»¹⁰.

Обратившись к одонтологическим данным, взятым для Западной Сибири, мы увидим, что более всего близки балановцам срубно-алакульское население Южного Урала, алакульцы Южного Урала, покровская культура Южного Урала¹¹. Как отмечал А.А. Хохлов, срубники Южного Приуралья и алакульцы Западного Казахстана являлись в основном носителями сравнительно узколицего, долихокранного краниологического типа. Алакульская культура, суще-

⁸ Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010. С. 57.

⁹ Отрощенко В.В. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // Советская археология (далее – СА). 1990. № 1. С. 111.

¹⁰ Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 319.

¹¹ Зубова А.В. Происхождение населения андроновской (федоровской) культуры Западной Сибири по одонтологическим данным // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2. С. 75.

ствовавшая на Южном Урале, в Зауралье, на юге Западной Сибири, в Северном и Центральном Казахстане, в настоящее время рассматривается как часть андроновской общности. На раннем этапе ее существования (XVII–XVI вв. до н. э.) отмечается западное направление связей носителей этой культуры с абашевским, полтавкинским, раннесрубным населением, причем следы абашевского влияния доходят до Ишима. «Абашевская и раннесрубная керамика присутствует в комплексах как раннеалакульской и петровской ступени, так и в более поздних, постпетровских памятниках, в основном в лесостепной зоне. На алакульском этапе классической ступени керамика и другие признаки ни одной из вышеуказанных культур не встречаются. Следовательно, пришлые небольшие группы населения из западных районов смогли сохранить признаки своей культуры недолго, в период одного-полутора столетий. Сосуществуя с раннеалакульским населением, контактируя и смешиваясь с ним, пришельцы постепенно растворились в местной среде. (...) Особенно тесные контакты абашевцев с поздними полтавкинцами в Поволжье и ранними алакульцами в Зауралье прослеживаются в период становления срубной и алакульской культур»¹².

Следует отметить, что как срубная, так и андроновская культурная общность, частью которых являлась алакульская, уже достаточно давно рассматривались специалистами как предки индоиранцев. Основания для этого имеются. Использование колесниц, этих танков древности, дало индоевропейцам преимущество в военном деле, что нашло свое отражение в самых разных сторонах их жизни: в ведийской мифологии боги зачастую изображаются на колесницах, а в Иране воинское сословие называлось *гаθаэста*, буквально «тот, кто стоит на колеснице; воин на колеснице». В.В. Иванов отмечает, что ареал распространения колесных повозок в середине II тыс. до н. э. (от Китая до Западной Европы) совпадает как с областью особого типа изделий из бронзы, так и с ареалом расселения индоевропейских племен¹³. В силу этого мы вправе рассматривать наличие колесниц как вероятный признак принадлежности той или иной культуры индоевропейцам. Поскольку в ходе исследования потаповской и синташской культур были найдены свидетельства наличия в их среде воинов-колесничих, а на срубных и андроновских сосудах присутствуют изображения колесниц, вывод о принадлежности этих культур предкам арийского населения Ирана и Индии представляется вполне логичным. По мнению Е.Е. Кузьминой, следует «признать первыми изобретателями колесниц с псалями племени абашевские и многоваликовой керамики. Те и другие приняли решающее участие в сложении близко родственных памятников потаповского типа от Дона до Волги, синташтинского и петровского на Урале и в Казахстане. Именно в среде потаповского и синташтинско-петровского населения колесничная тактика боя получила массовое распространение...»¹⁴ Предположения археологов о принадлежности срубной культуры предкам ираноязычных племен сравнительно недавно нашли свое подтверждение в ходе генетических исследований: у четырех из шести изученных ее представителей была обнаружена азиатская ветвь гаплогруппы R1a-Z93, распространенная в основном в Центральной и Южной Азии.

Связывая происхождение индоиранцев в первую очередь с носителями андроновской и срубной культур, Е.Е. Кузьмина на основании своих многолетних исследований составила карту распространения представителей этих культур в Среднюю Азию (рис. 2), откуда они двинулись далее на юг. Поскольку исходные черты балановской и абашевской археологических культур постепенно исчезали еще при сложении исходных ареалов андроновской и срубной культур, проследить их присутствие в ходе начавшейся миграции на юг становится еще более трудной задачей, в силу чего дальше мы будем опираться преимущественно на памятники

¹² Потемкина Т.М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона // СА. 1990. № 1. С. 120 – 127.

¹³ Иванов В.В. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983. С. 32, 34.

¹⁴ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоирии? М., 1994. С. 177.

письменности. Применительно еще к Средней Азии заслуживает внимание упоминание Плиния Старшего о народах, населяющих земли за Яксартом (Сырдарья): «По ту сторону (Яксарта) живут скифские народы. Персы называют их саками по имени ближайшего племени... Здесь неизменное множество народов, их образ жизни похож на парфянский. Самые знаменитые из них – саки, массагеты, дахи, эсседоны, астаки, румники, пестики, хомодоты, хисты, эдоны, камы, камаки, эвхаты, котиеры, автусианы, псаки, аримаспы, антакаты, хроасы, этеи»¹⁵. Имя камы точно соответствует названию впадающей в Волгу реки Камы. Что касается эвхатов и котиеров, то эти названия тождественны названиям племен скифов Северного Причерноморья в приводимой Геродотом легенде о происхождении этого народа: «По рассказам скифов, народ их – моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колоксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему.

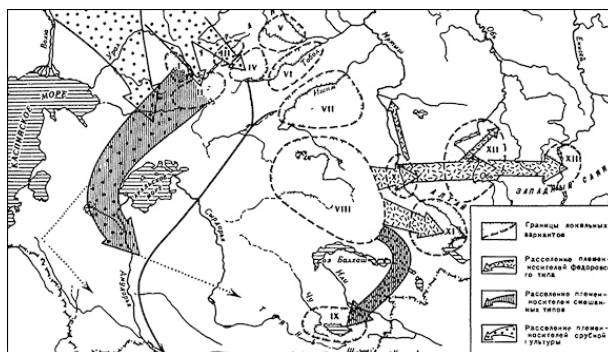

Рис. 2. Составленная Е.Е. Кузьминой карта распространения срубной и андроновской культур в XV–XIII вв. до н. э.

Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т. е. царскими. Эллины же зовут их скифами. Так рассказывают скифы о происхождении своего народа»¹⁶. Помимо них заслуживают внимание и хроасы. В других античных источниках данный этноним неизвестен, и В. Томашек объясняет его из санскрита как «сыроядцы». Однако в следующей главе мы увидим, что название с аналогичным значением имело непосредственное отношение к днепровским русам.

Из Средней Азии кочевые племена продвинулись дальше на юг. Появление персидских племен на Иранском плато В.И. Абаев датирует концом II – началом I тыс. до н. э.¹⁷, а впервые они упоминаются в ассирийских текстах в IX в. до н. э.¹⁸ Ведущей державой региона в ту эпоху

¹⁵ Подосинов А.В., Скригинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 197.

¹⁶ Геродот. История. М., 1993. С. 188.

¹⁷ Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 37.

¹⁸ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 9 – 41.

была Ассирия, правителям которой удалось создать могущественную в военном плане империю. Столетие спустя в памятниках письменности этого государства начинает упоминаться и интересующий нас корень. Так, в письме ассирийского царя Саргона II, правившего приблизительно в 722 – 705 гг. до н. э., упоминается страна Рас (Ras), которая граничит с Эламом на берегах Тигра (рис. 3)¹⁹. Это название полностью соответствует индоарийскому названию Волги, притом что в иранской Авесте она называлась не Расой, а Ранхой. С учетом волжской прародины наших предков данное название представляет несомненный интерес. Поскольку до прихода индоевропейцев оно в регионе не фиксируется, у нас есть основание связать его именно с появлением там нового населения. По мнению западных исследователей, мидяне и персы в первую очередь заселили современный Иранский Курдистан, где они в 835 г. до н. э. встретились с ассирийским царем Салманасаром III. В начале VII в. до н. э. персы отделились от мидян и вдоль Загросских гор отправились на юго-восток. Точное местоположение страны Рас определить достаточно трудно, но из текста следует, что она находилась где-то в районе Тигра и граничила с Эламом – древним неиндоевропейским государством на побережье Персидского залива на территории современного Ирана (местоположение этого древнего государства можно увидеть на рис. 4, но, поскольку карта составлена для более позднего времени, на ней Элам показан включенным уже в состав Ассирийской империи). Соответственно, вопрос упирается в определение точных северо-западных границ Элама в рассматриваемый период. Современник Саргона II эламский правитель Шутрук-Наххунте II именовал себя «царем Аншана и Суз» (на первый город претендовали и персы) и в одной своей надписи утверждал, что завоевал 32 области. Из перечисленных в ней названий интерпретации поддается лишь Арман – современный Хольван²⁰. Последний находится на реке Нижний, или Малый, Заб, левом притоке Тигра. Малый Заб берёт свое начало на восточных склонах Курдистанского хребта. Таким образом, упомянутая в письме Саргона II страна Рас находилась близ Тигра примерно по центру западной границы современного Ирана. Как видим, ее местоположение соответствует реконструируемому западными исследователями пути расселения иранских племен на своей новой родине, но само ее название указывает на то, что изначально носители этого названия не относились к иранской семье языков.

Необходимо отметить, что впоследствии среди персов упоминается одно племя с родственным названием этой страны корнем. «Отец истории» Геродот, рассказывая, как в 553 г. до н. э. Кир сверг мидийское господство, дает перечень поддерживавших его персидских племен (I, 125). Сначала он перечислил четыре самых сильных племени, «от которых зависели все остальные», а затем дает название трех остальных, очевидно более слабых племен: «Другие персидские племена – это панфиалеи, дерусиен, германий»²¹. В заключение же «отец истории» подчеркивает, что только эти семь персидских племен занимались земледелием, а все остальные ираноязычные племена являются кочевниками. Наибольший интерес для нас представляют названия двух последних персидских племен. Если название германиев почти полностью соответствует европейским германцам, то и в имени дерусиев проступает корень **рус**, указывающий на их связь с нашими предками. Что касается приставки **де**, то она может быть соотнесена с иранским энклитическим послелогом направления **da**, связанного, как предполагает ряд специалистов, с индоевропейским корнем указательного местоимения **de, do**, равно как и греч. δε²². Против понимания дерусиев как племени, связанного с русами, может говорить большой временной разрыв между их упоминанием у Геродота и первыми упоминаниями наших предков в Восточной Европе. Однако примерно такой же разрыв, хоть и меньший,

¹⁹ Les Fastes De Sargon Roi D'assyrie (721 À 703 Avant J. C.) Traduits Et Publiés D'après Le Texte Assyrien De La Grande Inscription Des Salles Du Palais De Khorsabad Par Mm. Jules Oppert Et J. Ménant. Paris, 1863. P. 3.

²⁰ Хитц В. Государство Элам. М., 1977. С. 138, 140 – 142.

²¹ Геродот. История. М., 1993. С. 52.

²² Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков (далее – ЭСИЯ). Т. 2. М., 2003. С. 274.

существует и между иранскими германиями и германцами в Европе. Последние впервые упоминаются в латинской надписи 222 г. до н. э. Поскольку о подлинности этой надписи были высказаны сомнения, отметим, что еще до Цезаря германцы (γερμανοί) упоминаются у греческого историка Посидония, жившего с 135 до 50 г. до н. э.²³ В пользу изначальной связи упомянутых Геродотом двух племен с поздними германцами и русами говорят как их оседлость, связанная с земледелием, так и их относительная слабость на фоне остальных персидских племен — очевидно, они представляли собой незначительную часть основной массы предков германцев и русов, двинувшейся на восток с индоиранскими племенами, которые в силу своей не очень большой численности не могли претендовать на доминирующее положение в Персии.

Рис. 3. Фрагмент письма ассирийского царя Саргона II с упоминанием страны Рас

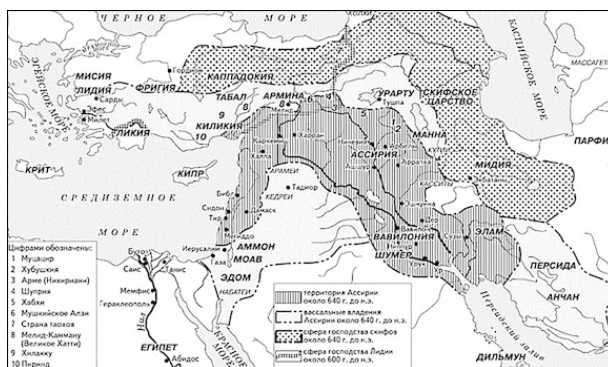

Рис. 4. Карта древнего Ближнего Востока в VII в. до н. э.

Как уже отмечалось во вступлении, переходной формой от Расы к Руси должна была быть форма Раус. Она точно так же фиксируется на территории современного Ирана, причем в разных местах. Так, при описании похода ассирийцев на Мидию глиняная табличка из Нимруда 728 г. до н. э. среди других населенных пунктов упоминает Раусан²⁴. В более позднюю эпоху, уже во времена Персидской империи, в надписях Персеполя фиксируются имена Rauzaka, Rauzazza, Raziya, Ruzzakka, Ruzzi²⁵. Необходимо подчеркнуть, что корень **рус-** также фиксируется в регионе уже во времена Саргона II. Еще одним его современником был царь Урарту Руса I, правивший с 730 по 714 г. до н. э. Данное имя носили еще два царя этого государства, последний из которых правил до 585 г. до н. э. Хотя Урарту и не было индоевропейским государством, однако в культурном и языковом отношении оно испытало индоевропейское влияние. Для него, как и для Элама, лингвисты отмечают языковые контакты с пришельцами с севера: индоевропейское **pah-s-** «защищать; пасти» ~ эламское **baha** «защита, защитник», индоевропейское **ag-** «вести» ~ хуррито-урартское **ag-** «вести», индоевропейское **guhen-** «разбивать, поражать» ~ урартское **gunu-se** «битва, сражение, война»²⁶. Как отмечает Э.А. Грантовский, «по независимым данным устанавливается, что в VIII в. до н. э. в опреде-

²³ Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи. СПб., 2011. С. 12 – 13.

²⁴ Дьяконов И.М. История Мидии. М. – Л., 1956. С. 202, примеч. 5.

²⁵ Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. S. 226–227.

²⁶ История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 103.

ленных районах на юге Урарту культ Халди (верховного божества этой страны. – М. С.) был связан с иранскими верованиями; в этой культовой среде было, в частности, известно иранское представление о “фарне”, бытовало иранское название бога – бага, а также возник синкретический пантеон, объединявший Халди с иранским божеством Мазда. Оба считались именно богами царей Мусасира (при Саргоне II и Русе I Урзаны, носившего, очевидно, иранское имя).

Следует заметить, что для указанного периода вплоть до времени, когда засвидетельствованы рассматриваемые имена (все не позже 714 г. до н. э.), в целом для данной территории не приходится говорить о политическом или культурном преобладании иранского этнического элемента. Поэтому приведенные данные, свидетельствующие о взаимовлиянии иранского и хурри-урартского элементов, могут быть объяснены лишь тем, что в ассиро-урартской полосе обитали значительные группы ираноязычного населения, вместе с населением иной языковой принадлежности принимавшие активное участие в этнических и культурных процессах, проходивших на этой территории. Следует также заметить, что приведенные данные подразумевают присутствие иранских племен в этих районах по крайней мере не позже конца IX в. до н. э., так как уже во всяком случае во второй четверти VIII в. до н. э. (а вероятно, и много ранее) были налицо результаты упомянутого смешения религиозных верований...»²⁷ Понятно, что Руса I, сын Сардури II, по происхождению не был русом, однако к появлению данного имени в урартском правящем доме вполне может быть отнесено объяснение, сделанное Э.А. Грантовским относительно другого его царственного современника: «Иранское имя царя Мусасира не свидетельствует обязательно о том, что он происходил из иранского племени (хотя и это возможно); как уже отмечалось, в рассматриваемую эпоху иранские имена появляются и в правящих родах, происходивших из старого местного населения»²⁸. Таким образом, оно также может быть результатом иранского влияния или, учитывая несвойственность для самих иранцев исходной формы данного корня, результатом влияния пришедших с иранцами других индоевропейских племен.

Для того чтобы понять причину дальнейших событий, произошедших на Среднем Востоке, нам придется вернуться немного назад во времени, а в пространстве – обратиться к более северному региону. Речь идет о происхождении скифов. Выше уже приводилась легенда об этом событии, записанная Геродотом. Сам «отец истории» сомневался в достоверности этого мифа и, на основании других источников, считал этих кочевников выходцами из Азии. Среди современных ученых последняя версия оставалась предметом острых дискуссий, однако в свете того, что наиболее древние из известных на сегодняшний день памятников скифского звериного стиля происходят из Тувы (исследованный там курган Аржан датируется IX–VIII вв. до н. э.) и, как констатировали А.Г. Козинцев и В.И. Селезнева, ближе всего к причерноморским степным скифам в антропологическом отношении стоят чаахольцы из той же Тувы, не доверять утверждению Геродота нет оснований. Двинувшись на запад, скифы в конце VIII в. до н. э. разгромили обитавших в Северном Причерноморье кочевников-киммерийцев, вынужденных двинуться на юг. Первое упоминание о киммерийцах в Азии в письменных источниках относится ко временам все того же Саргона II. Его шпионы в Урарту в 722 – 715 гг. до н. э. доносили, что уже знакомый нам царь Руса I отправился на киммерийцев походом через область Куриани (Гурианиа), но был ими разгромлен. Воспользовавшись этим обстоятельством, Саргон II на следующий год внезапно напал на Урарту и ночью разбил армию Русы I у горы Уауш (как отмечает Э.А. Грантовский, для данного топонима предполагается иранская этимология). Сам царь был вынужден спастись бегством, а победитель захватил город Мусасир, куда до этого Руса I перевез царскую казну. Узнав об этом, правитель Урарту покончил жизнь самоубийством, бросившись на кинжал. В 679 – 678 гг. до н. э. киммерийцы попробовали напасть

²⁷ Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007. С. 351 – 352.

²⁸ Там же. С. 343.

уже на Ассирию, но потерпели поражение. Новый правитель Ассирии Асархаддон с торжеством пишет: «Теушпу киммерийца, земля которого далеко, я убил и войско его уничтожил».

Примерно в этот же период на Азию обрушивается новая волна северных кочевников. Геродот пишет, что скифы, преследуя изгнанных ими из Северного Причерноморья киммерийцев, сбились с пути и, двинувшись вдоль Кавказа, вторглись в Мидию (I, 103; IV, 12). Согласно Страбону, саки (так обычно назывались ираноязычные кочевники Средней Азии, которых данный автор отождествляет с европейскими скифами) захватили лучшую землю в Армении, которая в честь их стала называться Сакасена (XI, 8, 4). В ассирийских источниках первое упоминание скифов-ашкуза относится к правлению Асархаддона и датируется 670-ми гг. до н. э.²⁹ Поскольку первые письменные упоминания о киммерийцах и скифах в Малой Азии разделяет примерно пятьдесят лет, часть современных исследований ставит под сомнение сообщение Геродота о преследовании одних кочевников другими и полагает, что вторжение скифов было обусловлено климатическими изменениями. Что бы ни было причиной появления в Азии второй волны кочевников, о масштабах вторжения говорит фиксируемое археологами относительное запустение Северного Причерноморья в VIII–VII вв. до н. э., когда по сравнению с предшествующим и последующим периодами там значительно сокращается число памятников, относящихся к этим векам. Первоначально скифы вместе с маннейцами и мидянами выступили против Ассирии. Вождем скифов тогда был Ишпакаи, убитый в ходе этой войны. Его преемник Партауга (у Геродота Протофий) в ассирийских источниках именуется уже не вождем, а царем страны Ишкуза, то есть Скифского царства: «Партауга, царем (страны) Ишкуза»³⁰. Соответственно, предводитель скифов из племенного вождя превратился в царя, наподобии других правителей того региона, и этот титул признавала за ним Ассирия, самая могущественная держава того времени. Сама «страна Ишкуза» (рис. 4) включала, по всей видимости, не только собственно пришедших из Причерноморья скифов, но и подвластные им местные племена, которые теперь могли восприниматься по своей политической принадлежности окружающими так же, как скифы. Опасаясь могущества новых пришельцев и их союза со своими врагами, Ассирия поспешила перетянуть скифов на свою сторону, и Асархаддон предложил Партауга в жены свою дочь. Благодаря этому союзу Ассирии удалось отбить мидян и удержать часть своих владений в их стране.

Описания дальнейших событий на Древнем Востоке в клинописных, античных и библейских источниках не всегда совпадают, в результате чего различные исследователи несколько по-разному интерпретируют произошедшее. Большинство из них полагают, что скифы разгромили киммерийцев в Малой Азии, а затем, заключив союз с Мидией и Вавилоном, выступили против Ассирии. В 612 г. до н. э. столица Ассирийского царства Ниневия после трехмесячной осады пала, ассирийский царь сжег себя вместе с наложницами, ассирийская знать была перебита, а город разрушен. Геродот пишет о 28-летнем владычестве скифов над всей Азией и о том, что фараон Псамметих дарами и просьбами убедил их не вторгаться в Египет. С другой стороны, пророк Иеремия следующим образом описывает нашествие северных кочевников на Иудею:

«Так говорит Господь: вот, идет народ от страны северной, и народ великий поднимается от краев земли; держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосерды, голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроены, как один человек, чтобы сразиться с тобою, дочь Сиона. Мы услышали весть о них, и руки у нас опустились, скорбь объяла нас, муки, как женщину в родах. Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч неприятелей, ужас со всех сторон» (6: 22 – 25).

²⁹ Дьяконов И.М. История Мидии. М. – Л., 1956. С. 245.

³⁰ Там же. С. 246.

В свете нашего исследования несомненный интерес представляет и знаменитое библейское упоминание князя Роша:

«И было ко мне слово Яхве такое:

Сын человеческий! Обрати лицо свое к Гогу, в земле Магога, князю Роша, Мешеха и Тубала, и изреки на него пророчество.

И скажи: так говорит бог Яхве: вот, я на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Тубала!

И заставлю тебя блуждать, и вложу удила в челюсти твои, и выведу тебя и все войско твое, коней и всадников, всех в одежде с багряными оторочками, полчище великое, в латах и со щитами, всех, вооруженных мечами: персов, кушитов и пунийцев с ними, всех со щитами в шлемах.

Гомера со всеми отрядами его, племя Тогармы с северных пределов, и все отрядами его, многочисленные народы с тобою» (Иез. 38: 1 – 6).

«И еще, сын человеческий, изреки пророчество на Гога, и скажи: так говорит бог Яхве: вот я на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Тубала. И заставлю тебя блуждать, завлеку тебя, и выведу тебя из северных пределов, и приведу тебя на горы Израилевы.

И выбью лук твой из левой руки твоей, и выброшу стрелы твои из правой руки твоей.

На горах Израилевых падешь ты и все отряды твои, и народы, которые с тобою; отдам тебя на съедение хищным птицам всякого рода и полевым зверям.

На открытом поле падешь; ибо определил это, говорит Яхве великосущий.

И пошлю огонь на землю Магог и на живущих в безопасности на островах, и узнают, что я – Яхве» (Иез. 39: 1 – 6).

Хоть Иезекииль и жил в VI в. до н. э., однако исследователи полагают, что данные пророчества имеют под собой основу в нападениях скифов на Палестину во время их ближневосточного похода. Набег скифов на Палестину датируется примерно 635 – 625 гг. до н. э.³¹ Кем же были эти народы, упомянутые в Библии? Так называемая «Таблица народов», приведенная в Книге Бытия и датируемая VIII в., отмечает: «Вот родословие сынов Ноевых – Сима, Хама и Иафета. Родились у них дети после потопа. Сыны Иафета: Гомер, и Магог, и Мадай, и Иаван, и Тубал, и Мешех, и Тирас. А сыновья Гомера: Ашкеназ, и Рифат, и Тогарма». Под именем Гомер в ближневосточных текстах упоминаются киммерийцы, которые символизировали собой крайний север. Магог устойчиво отождествляется со скифами, и это утверждение встречается уже у еврейского писателя I в. н. э. Иосифа Флавия: «Магог же положил начало тому народу, который от него получил название Магога, а ими (греками) именуется скифами»³². Прямо отождествлял Гога и Магога со скифами также и Феодорит Кирский³³. Исследователи считают, что на момент составления «Таблицы народов» эти скифы находились между озерами Ван и Урмия. Под Мадаем в данном тексте имеется в виду Мидия, а под Иаваном – ионийцы в Малой Азии. Тубал, отождествляемый с племенем табалов, известным уже ассирийским источникам, находился в Южной Каппадокии. Под Мешехом традиционно понимаются мушки-мосхи в центральной части Малой Азии, а Тирас некоторыми исследователями раньше соотносился с туруша египетских и тиренами античных авторов. В письме Ашшурриссу царю Саргону II (722 – 705 гг. до н. э.) упоминается, что страна Гамирра, то есть киммерийцы, платила дань Урарту, располагавшемуся на Армянском нагорье. В летописи Ашшурбанипала (668 – 626 гг. до н. э.) упоминается «Гаги, начальник страны Сахи». Последних отождествляют с саками, а Гаги – с Гогом в стране Магог Иезекииля³⁴. Город «Рос – между Иссом и Селевкией» в Сирии упоминает древнегреческий географ Страбон (ок. 64 до н. э. –

³¹ Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003. С. 119.

³² Иосиф Флавий. Иудейский древности. Т.1. М., 1994. С. 17.

³³ Карышковский П.О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // Византийский временник. Вып. 17. М., 1960. С. 49.

³⁴ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып.1 и 2. СПб., 1992. С. 11 – 25.

20 н. э.), описывая его местоположение так: «За Эгеями идет городок Исс с якорной стоянкой и река Пинар. Здесь произошла битва Александра с Дарием. Залив называется Иским; на нем лежат города Рос, Мириандр... и так называемые Сирийские Ворота, граница между Киликией и Сирией»³⁵. К сожалению, с чисто лингвистической точки зрения до сих пор не определено, из языка какого народа происходит название данного города – греческого, хеттского либо какого-то иного индоевропейского или неиндоевропейского народа. Данный факт показывает, что интересующий нас корень встречается не только близ Тигра, но и в Сирии.

По поводу распространенной версии, что в приведенных фрагментах Иезекииля слово «рош» на иврите означает «голова», «глава», «начальник» и, следовательно, не обозначает какого-либо народа, Ю.Д. Акашев замечает, что ни первоначального еврейского текста, ни оригинала его первоначального перевода на греческий не сохранилось, однако во всех греческих текстах Библии данное слово пишется как Ρος (Рос, а не Рош) и имеет значение названия народа. На основании этого вполне обоснованным выглядит предположение, что и в оригинале первого перевода на греческий, и в раннем ветхозаветном тексте оно писалось так же и имело то же значение. Осуществлявший же перевод Библии на латынь Иероним перевел данное слово как «голова», положив невольно основу другому толкованию. Кроме того, Иезекииль употреблял слово «Рош» три раза всегда в сочетании с Мешех и Тувал, а то, что последние являются названиями народов, никем не оспаривается. Следовательно, и первое слово следует также понимать как название народа. Поскольку в «Таблице народов» Мешех и Тувал упомянуты рядом с Тирасом, это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что Рос фигурировал как народ, искаженным названием которого в данном случае выступал Тирас³⁶.

Последнее имя Ю.Д. Акашев связывает с нашими предками, понимая первый слог как указательное местоимение и, соответственно, все имя как «ти Рас», воспринятое древними семитами от самих носителей этого имени. Также он связывает с этим и античное название Днестра Тирас. Касаясь Иезекииля, он отмечает, что это народы Рош, Мешех и Тувал, объединенные под началом князя Гога и находящиеся на земле Магог. Иосиф Флавий, еще не знавший о существовании русов, Фираса считал родоначальником фракийцев, то есть локализовал его к северу от Греции. Однако, как только евреям стало известно имя Руси, оно было незамедлительно отождествлено ими с Тирасом. Еврейский автор «Книги Иосиппон», написанной им в середине X в. в Южной Италии, по поводу потомства библейского Иафета констатирует: «Тирас – это Руси»³⁷. Таким образом, мы видим, что связь Тираса с русами присутствует уже в раннесредневековой еврейской традиции. Следует добавить, что и в Житии Кирилла в перечне народов, имеющих свою письменность, в некоторых списках фигурируют загадочные «тоурсии»: «Мы же многы роды знаемъ, книги оумѣюща и богоу славою въздающа своимъ языкомъ кождо. Явѣ же соуть си: Ормени, перси, Авазѣги, Иверіи, Соугди, Готьфи, Обри, Тоурсіи, Козари, Аравляни...»³⁸ Издавший этот текст П.А. Лавров понимал загадочное Тоурсіи, в других списках Тоурци, как описку «ти руси (рьси)», относя ее к готам. В рамках своей теории об индоарийском происхождении русов О.Н. Трубачев признает, что Тоурсіи имеют к ним прямое отношение: «Итак, кирилломефодиевское *Тоурси* может отражать дославянское название северопричерноморского народа *tur-rus-*. Это название, особенно в форме *Тоурси* (ЖК), затемненное до нечитаемости для сегодняшнего читателя и даже исследователя, после незначительной реконструкции обретает вновь минимальную понятность. Связь этнонима *tur-rus-* и «русских» письмен была, возможно, понятна Константину Философу тогда в

³⁵ Страбон. География. М., 1994. С. 631, 696.

³⁶ Акашев Ю.Д. История народа Рос: от ариев до варягов // <http://www.litmir.info/br/?b=234442&p=33>

³⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3. М., 2009. С. 171 – 172.

³⁸ Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Т. 1. Л., 1930. С. 30.

Корсуни (Херсонесе), и он мог иметь в виду именно ее в Венеции через несколько лет»³⁹. Само загадочное слово филолог понимает как *тауро-руси* – «тавро-русы».

Подобным образом и византийцы вскоре после того, как в поле их зрения попали русы, поспешили связать их с «князем Рош». Напрямую они отождествляются в Житии Василия Нового, написанном во второй половине X в., поскольку «уже в житии мы можем прочесть: “Он (т. е. Василий) рек мне (т. е. составителю жития): “Знаешь ли, чадо Григорие, что имеет приключиться с царством Ромеев в четырехмесячный срок?” Я же говорю ему: “Не знаю, господин мой”. Он сказал: “Варварский народ придет сюда на нас свирепо, называемый Рос, и Ог, и Мог”; это же повторено ниже уже от имени Григория: “народ Рос, и Ог, и Мог идет на нас попущением Божиим за наши грехи”. Хотя здесь отсутствует прямое указание на Иезекиила, но объединение Роса, Ог (= Гога), и Мога (= Магога) не оставляет сомнений, что инок Григорий, составитель жития Василия Нового, уже вполне сознательно отнес к русским темные выражения библейского пророка...»⁴⁰ Однако утверждение автора Жития Георгия Амастридского о том, что росы – это «губительный и на деле, и по имени народ», говорит о том, что уже его создатель соотнес с нашими предками библейское пророчество.

О пребывании части наших далеких предков на Древнем Востоке свидетельствуют и данные филологии. Лингвисты отмечают, что единое индоевропейское название пчелы b[h] e(i) восстанавливается лишь для группы диалектов: др.-исл. by-fluga, др. – англ. beo, др. – в. – нем. bia, лит. bite, латыш. bite, прусс. bitte, валл. bydarf, др.-ирл. bech, ст. – слав. bičelf, лат. fucus. Отмечая заимствование этого понятия индоевропейцами из др. – ег. bj.t (с показателем женского рода – t), Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов особо подчеркивают, что это «слово могло попасть в праиндоевропейский язык лишь в ареале Ближнего Востока в условиях возможных контактов с египетским»⁴¹. Однако мы видим, что данное название пчелы присутствует не во всех индоевропейских языках, а лишь в германских, балтских, славянских и отчасти кельтских. Из всех этих народов, если судить по древним источникам, лишь славяне могли вместе со скифами оказаться на Ближнем Востоке и затем вернуться назад, принеся в Европу название пчелы. Известно, что оба этих лингвиста выступали с гипотезой об индоевропейской прародине в Малой Азии, однако предположению о заимствовании данного египетского слова во времена индоевропейской общности противоречит то, что оно отсутствует в большинстве других индоевропейских языков, в том числе хеттском и греческом, то есть тех народов, которые уже в историческую эпоху имели наиболее тесные контакты с Древним Египтом. Отсутствие этого слова в иранских языках исключает и скифское посредничество. Интересно отметить, что впоследствии на Руси покровителями пчеловодства считались соловецкие святые Зосима и Савватий. Их нередко называли «пчелиными богами». «Роль водяного как покровителя пчел унаследовали русские святые Зосима и Савватий, в дни памяти которых пасечник вынимает соты из улья и в полночь погружает мед в воду (иногда около мельницы), читая при этом заговор, чтобы обеспечить себе успех в пчеловодстве на предстоящий сезон»⁴². Согласно русским заговорам эти святые принесли пчел на Русь из Рима или из Египта⁴³.

Во время своего господства в Азии помимо сбора с каждого народа установленной дани скифы, по словам Геродота, «еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось». Понятно, что подобное до бесконечности продолжаться не могло, и в конце концов правитель Мидии Киаксар пригласил множество скифов в гости, напоил их допьяна и перебил. В.А.

³⁹ Трубачев О.Н. В поисках единства. М., 2005. С. 180.

⁴⁰ Карышковский П.О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // Византийский временник. Вып. 17. М., 1960. С. 48.

⁴¹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 602, 611, 876.

⁴² Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 456, 480.

⁴³ Там же. С. 456.

Белявский датирует это событие 594 г. до н. э.⁴⁴ Скифское царство оказалось обезглавленным и гегемония в Азии перешла к Мидии. Лишившись своих вождей, скифы не смогли оказать сильного сопротивления и сначала отступили на запад, к границе с Лидией.

По всей видимости, единственное, чем смогли ответить скифы, так это убийством одного из сыновей Киаксара. Геродот, правда вне связи со своим же сообщением об убийстве мидянами скифских вождей, пишет, что «орда мятежных скифов-кочевников переселилась в Мидийскую землю», а Киаксар их дружественно принял и отдал им своих сыновей в обучение искусству стрельбы из лука. Затем царь их незаслуженно оскорбил, после чего скифы убили одного из своих учеников, разрубили и выпотрошили его, как охотничью добычу, которую отведдали ничего не подозревавший Киаксар и его гости. Скифы после этого бежали в Лидию. После того как царь этой страны Алиат отказался выдать скифов Киаксару, между Мидией и Лидией началась пятилетняя война, закончившаяся из-за солнечного затмения 28 мая 585 г. Исследователи полагают, что на самом деле война между странами вспыхнула из-за дележа «скифского наследства» в Азии, на которое претендовали оба государства. По условиям мира, скрепленного браком мидийского царевича и лидийской царевны, большая часть ранее подвластных скифам земель досталась Мидии. Скифам, утратившим своего последнего союзника, в Азии больше места не оставалось, и они должны были вернуться туда, откуда пришли, в Северное Причерноморье. В другом фрагменте Геродот сообщает, что лидийский царь Алиат изгнал киммерийцев из Азии (I, 16), и, вполне возможно, это известие относится не к киммерийцам, а к скифам.

Таким образом, мы видим, что в различных письменных источниках Древнего Востока в I тыс. до н. э. неоднократно фигурирует корень **рос-/рас-/раус-/рус-**. Близость приведенных выше источников к описываемым событиям представляет особую ценность, но встает закономерный вопрос: относятся ли эти случаи упоминания данного корня в регионе к нашим предкам? На мой взгляд, ряд обстоятельств позволяет ответить на него положительно. Во-первых, письменность в Междуречье появляется на рубеже IV и III тыс. до н. э.⁴⁵, однако интересующий нас корень начинает упоминаться в ней примерно две тысячи лет спустя, синхронно с появлением в регионе индоевропейцев. Уже это позволяет предположить, что эти явления были связаны между собой. Как минимум в двух случаях мы это можем утверждать наверняка: это персидское племя дерусиев и князь Рош, упоминаемый Библией вместе со скифами. В остальных случаях, как было показано выше, эта связь достаточно вероятна и вполне соответствует тому, что мы знаем о распространении индоевропейского влияния в данном регионе. Хотя большая часть индоевропейцев там принадлежала к ираноязычным племенам, однако засвидетельствованные письменными источниками факты пребывания там митаннийских ариев и германиев показывают, что там могли присутствовать и другие индоевропейские племена. Как уже отмечалось выше, название Рас в точности совпадает с индоарийским названием Волги, которую предки иранцев называли по-другому. То, что во времена Саргона II в именослове правителей Урарту появляется имя Русá, говорит не только о достаточно широком распространении в регионе данного корня, но и о его вариативности. Переходную форму между ними мы видим уже в 728 г. до н. э. в названии мидийского населенного пункта Раусан.

Понятно, что подобные факты не вписываются в традиционное представление об истории нашего народа и поэтому многие ученые, несмотря на непосредственную близость, а то и прямое совпадение рассмотренных в этой главе названий, предпочитают их не замечать. В тех случаях, когда источник оказывался слишком известен, как это было с Библией, искалось объяснение, позволяющее не связывать его с историей наших предков. Однако даже если счи-

⁴⁴ Белявский В.А. Война Вавилонии за независимость (627 – 605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии // Исследования по истории стран Востока. Л., 1964. С. 124.

⁴⁵ Канева И.Т. Шумерский язык. СПб., 2006. С. 7.

тать ветхозаветного князя Роша результатом неправильного перевода, а имя урартского царя рассматривать как случайное созвучие, невозможно уйти от того факта, что Рас в письме Саргона II являлось названием какой-то территории, а дерусии во времена Геродота были иранским племенем. Таким образом, корень **рас-/рус-** на Древнем Востоке I тыс. до н. э. обозначал общность людей и, по всей видимости, занимаемую ими территорию. Однако была ли она связана действительно с нашими предками? Недавние генетические исследования северо-запада Ирана (иранского Азербайджана) показало наличие там гаплогруппы R1a, что авторы исследования совершенно справедливо связали с миграцией индоевропейцев в I тыс. до н. э. на Иранское плато. Следует обратить внимание, что согласно табл. 1 там зафиксирована не только азиатская R1a-Z93, но и европейская R1a-Z282. Весьма важно, что там присутствуют славянские R1a-M458 и R1a-M558, которые распространены в том числе в волжских популяциях⁴⁶. Поскольку помимо интересующего нас корня в регионе отмечены следы пребывания собственной именно славянам гаплогруппы, мы со значительной степенью вероятности можем предположить, что оба явления были непосредственно связаны с той частью русов, которых предки иранцев увлекли с их волжской прародины в ходе своей миграции на юг.

С другой стороны, не считая упомянутых Геродотом дерусиев и города Рос у Страбона, то после ухода скифов интересующий нас корень перестает употребляться в регионе. Наиболее логичным выглядит предположение, что значительная часть русов предпочла уйти из Азии вместе со скифами, нежели находиться под мидийским владычеством. В свете описанных Геродотом взаимоотношений мидян и персов данное обстоятельство косвенно свидетельствует, что бывшие в Азии русы изначально входили именно в персидский племенной союз. Поскольку предками как минимум части персов были носители срубной культуры, в состав которых входили абашевцы, которые еще ранее включили в свой состав часть балановцев, данные восточноевропейской гидронимии и археологии показывают, как часть наших предков вместе с ираноязычными племенами могла оказаться на Древнем Востоке I тыс. до н. э. Если часть русов ушла из Азии вместе со скифами, то оставшаяся под именем дерусиев стала известна «отцу истории» именно как персидское племя, что в очередной раз указывает на то окружение, в котором находилась часть наших предков после своей миграции на юг.

⁴⁶ *Ardeshtir Bahmanimehr, Fatemeh Nikmanesh. Paternal genetic affinity between Iranian Azeris and neighboring populations // Journal of Cell and Molecular Research. 2014. № 6 (1). P. 29 – 37.*

Глава 2. Возвращение в Европу

Вынужденные покинуть Малую Азию и вернуться назад, скифы сохранили привычку жить за чужой счет и, самое главное, соответствующую военную организацию. Благодаря последней царские скифы быстро становятся доминирующей силой на Северном Кавказе и Северном Причерноморье как в военно-политическом, так и в культурном отношении. В археологическом отношении этому соответствует появление первых царских могильников в VII в. до н. э.

Как во время начала своего переднеазиатского похода, так и по возвращении из него скифы проходили через территорию Кавказа. В этой связи интересно сообщение римского поэта I в. н. э. Валерия Флакка. При перечислении скифского войска он называет в его составе следующие племена: «Здесь и благоухающие надушенными волосами микэи, и рати кессейские, и ты, невинный вследствие неведения металлов Аримасп, еще не раскапывающий своей земли, и Авхат, умеющий раскидывать широким кругом летучие арканы и притягивать петлями самые дальние отряды»⁴⁷. Авхат здесь является эпонимом авхатов – упоминавшегося выше племени скифов-пахарей, ведущих свое происхождение от Липоксая, брата Колоская. Вместе с ним Флакк называет и «рати кессейские», название которых связано с Киссейскими горами (*monies Cissii*), под которыми Плиний понимал северо-восточные отроги Кавказа. Весьма показательно, что в то же самое время первый римский географ Помпоний Мела, написавший свой труд «Хорография» около 43 г. н. э., при описании Азии отмечает: «Выше амазонок и гипербореев – киммерийцы, киссианты, ахеи, георгины, мосхи...»⁴⁸ В большинстве рукописей стоит форма *cisiantii*, которые находились где-то в районе Кавказа. Что касается ахеев, то они локализируются в северо-западной части современного района Сочи и на территории Туапсинского района, а георгины связываются с современными грузинами. Плиний Старший приводит интересующий нас этноним уже отдельно: «Прямо за ними уже скифы, киммерийцы, киссы, анты, геогри и племя амазонок, последнее (простирается) вплоть до Каспийского и Гирканского моря»⁴⁹. Как известно, позднее антами Иордан и византийские писатели называли союз славянских племен, который в данном тексте неожиданно упомянут в районе Кавказа. Следует обратить внимание и на «рати кессейские», равно как и Киссейские горы: данный корень фиксируется и на территории Персии. Из текста Геродота следует, что знаменитые Сузы находились в «земле киссеев», где протекали реки Хоасп и Гинд. При описании различных народов, входивших в войско Ксеркса, «отец истории» отмечает, что киссии были вооружены как персы, но, в отличие от них, вместо войлочных шапок они носили митры, под которыми комментаторы понимают повязки на лбу, концы которой свешивались по обеим сторонам лица⁵⁰. В связи с последней особенностью приведем описание Авхата у Валерия Флакка: «У него издавна белые волосы, прирожденный знак; пожилой возраст уже образует простор на голове; обвивая виски тройным узлом, он спускает со священной главы две повязки»⁵¹. То обстоятельство, что часть территории Ирана называлась так же, как и часть Кавказа, подтверждает высказанное выше предположение о том, что скифы при своем возвращении в Европу увлекли с собой часть населения, жившего на Древнем Востоке. Едва ли является случайным совпадением и то обстоятельство, что в ахеменидскую эпоху сатрапия Киссия занимала в том

⁴⁷ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. II. Вып. 1. Латинские писатели. СПб., 1904. С. 210.

⁴⁸ Там же. С. 116.

⁴⁹ Подосинов А.В., Скригинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 191.

⁵⁰ Геродот. История. М., 1993. С. 252, 253, 332, 535, 570.

⁵¹ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. II. Вып. 1. Латинские писатели. СПб., 1904. С. 208.

числе и ту территорию, где во времена Саргона II существовала страна Рас (рис. 5). Название реки Гинда точно так же может указывать на присутствие индоарийского элемента, как и интересующее нас древнее название Волги.

Рис. 5. Сатрапии Киссия, Мидия и Персия в эпоху Дария I

Последний корень встречается и в описании Кавказа у Страбона: «На этом склоне гор от моря вплоть до самых вершин обитает на небольшом пространстве часть албанцев и армян, однако большую часть склона занимают гелы, кадусии, амарды, витии и анариаки. Некоторые паррасии, как говорят, живут вместе с анариаками, которых теперь называют парсиями; энианы же построили в области витиев укрепленный город, который называется Энианой...»⁵² Древнейшим индоарийским названием Волги была Раса, и весьма показательно, что племя, содержащее в своем названии данный корень, фиксируется и на Кавказе. Поскольку других паррасиев Страбон упоминает в Аркадии, не исключено, что название кавказского племени древнегреческий географ мог немного изменить в соответствии с привычным ему названием аркадцев. Следует отметить, что более поздние источники отмечают присутствие уже собственно русов в данном регионе начиная с раннего Средневековья. Сведения о них будут приведены в седьмой главе этой книги.

Откуда могли появиться эти русы на Кавказе? В свете приведенных данных наиболее логичным является предположение, что это были потомки какой-то части русов, двинувшихся на север вместе со скифами и оставшихся в данном регионе. Археологи отмечают скифское влияние на местную кобанскую культуру Северного Кавказа, которое прослеживается со второй половины VII в. до н. э. Восточный вариант кобанской культуры частично совпадает с территорией будущего проживания кавказских аваров, в среде которых в раннем Средневековье будут отмечены и русы. В скифскую эпоху археологи фиксируют следующие изменения в восточном варианте данной культуры: «В целом для середины VII–IV вв. до н. э. заметно увеличение южной ориентировки. Вытянутые погребения в разных могильниках не имели устойчивого направления, но только среди них отмечены захоронения головой на запад. (...) В погребальном ритуале отмечены черты ранее неизвестные: засыпка дна могилы галькой или мелом...»⁵³ Однако похожие черты погребальной обрядности в более раннюю эпоху присут-

⁵² Страбон. География. М., 1964. С. 481.

⁵³ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 264.

ствовали как в балановской культуре, так и на Кивуткалнском могильнике на территории Прибалтийской Руси. Следует отметить, что в Балановском могильнике большинство мужских погребений ориентированы на юг, юго-запад и запад⁵⁴, что также следует соотнести с изменениями, произошедшими в кобанской культуре в скифское время. В 62-м погребении Балановского могильника белой известью были обмазаны его стены. С другой стороны, в связываемом со скифами кургане 1 у села Каякепт в Дагестане, погребальная камера была побелена⁵⁵.

Весьма интересные сведения дает и антропология: «Канонический анализ, помимо выявления территориального распределения краниологических комплексов, позволил сгруппировать их по принципу антропологической близости.

Одна из группировок объединяет население Кавказа среднего и позднего периодов бронзы, а также переходного к железу кобанской культуры Северного Кавказа, балановской культуры и поздней бронзы Прибалтики (Кивуткалнский могильник). Это долихо- и долихомезокранное население, с узким и высоким лицом, резко профилированным и с сильным выступанием носа»⁵⁶. Обратившись к неожиданно упоминаемым на Кавказе римскими источниками скифам-пахарям, мы видим, что и «лесостепные группы скифов – серия из Медвина и сборная серия – отличались от причерноморских, имея более узкий и длинный череп, менее высокое и резко клиногнатное лицо. Эти особенности сближают их с отмеченными ранее узколицими вариантами эпохи поздней бронзы»⁵⁷. Таким образом, мы видим, что не только письменные и археологические, но и антропологические данные указывают на близость данных регионов.

Современные аварцы относятся к кавкасионскому антропологическому типу, однако палеоантропологические материалы из могильников Гинчи и Гоно в Западном Дагестане говорят о том, что в эпоху бронзы к сравнительно узколициму и длинноголовому типу европеоидной расы относилось население западных районов современной территории расселения аварцев⁵⁸. В настоящий момент выделяется локальная культура эпохи средней бронзы (конец III – первая половина II тыс. до н. э.) Гинчи – Гатын-Кале, получившая название от дагестанского и чеченского селений, в окрестностях которых были обнаружены могильники этого периода. Специалисты полагают, что она сложилась на основе более ранней куро-аракской культуры⁵⁹, носители которой также относились к средиземноморскому антропологическому типу. В.В. Бунак вообще полагал, что понтийский тип присутствовал на Северном Кавказе с эпохи неолита. Поскольку узколицие долихомезокранное население фиксируется антропологами на Кавказе еще в доскифский период, очевидно, что, в отличие от других регионов, где данный антропологический тип ранее отсутствовал, ситуация на Кавказе является более сложной и для окончательных выводов необходимы дополнительные исследования краниометрических данных.

Следует подчеркнуть, что на Кавказе зафиксированы не только авхаты и анты, но и амадоки – одно из скифских земледельческих племен, проживавшее, как будет показано ниже, в Среднем Поднепровье. Все тот же Плиний, начав описание от Меотиды, далее движется на восток и перечисляет следующие племена: «А у Кавказского хребта – икаталов, имадохов, рамов...»⁶⁰ По этому поводу Л.А. Ельницкий писал: «С другой стороны, древнеиндийское amadaka, прилагавшееся к чуждым и диким племенам, позволяет заподозрить в нем этимоло-

⁵⁴ Бадер О.Н. Балановский могильник. М., 1963. С. 171.

⁵⁵ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 283.

⁵⁶ Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 274, 276.

⁵⁷ Там же. С. 294.

⁵⁸ Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 81–82, 92–93.

⁵⁹ Хаджимурадова М.А. Археолого-антропологические данные как свидетельства этнокультурной общности народов горного Дагестана и Чечни // «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии истории»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013. С. 88–94.

⁶⁰ Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 187.

логизацию амадоков или какого-либо близкого ему скифского имени, бытовавшего в заяксартской Скифии вместе с даями и позднее перенесенного далеко на запад. Промежуточными инстанциями в общем ареале распространения этого имени являются, вероятно, Плиниевы *Imaduchi, Imadochi* (Plin., NH, VI, 21) на Северном Кавказе и Птолемеевы *Μοδοκoi* (Ptolem., Geogr. V, 8, 10), локализованные на севере Азиатской Сарматии»⁶¹. Упоминание их Птолемеем указывает, скорее всего, на маршрут движения этого племени с Кавказа на запад. После скифских походов на правом (южном) берегу Сунжи у селений Гойты, Бамут и Мескер-Юрт фиксируются кочевнические захоронениями, чуждыми местным традициям и датируемые V в. до н. э. Показательно, что при этом они отличаются и от собственно скифских стандартов. В.Г. Петренко указал на определенное сходство гойтинских курганов с памятниками правобережья Среднего Приднепровья. В.Б. Виноградов предложил рассматривать их как трансформированные памятники савроматского круга. Однако его аргументация в первую очередь опиралась не на собственно археологические доказательства, а на рассуждения общего порядка о большей близости к Кавказу савроматов, чем населения украинской лесостепи, и то, что это не вяжется с исторической обстановкой V в. до н. э. Единственное, с чем можно согласиться в его рассуждениях, так это в том, «что рассматриваемые могильники могли быть оставлены прямыми потомками той части многоплеменных орд, которая после походов VII – начала VI в. до н. э. задержалась в присунженской равнине и развивала свою культуру не по канонам своей далекой прародине, а впитывая инородные элементы культуры»⁶². Впрочем, данное предположение аннулирует его же возражение географического плана. Кроме того, прямые свидетельства античных источников о пребывании скифов-пахарей на Кавказе подтверждают предположение В.Г. Петренко.

Необходимо отметить и антропологическое сходство населения обоих интересующих нас регионов. Чрезвычайно интересны результаты предпринятого А.Г. Тихоновым исследования погребений могильника VII–VI вв. до н. э. Уллубаганалы близ Кисловодска, на материалах которого археологи отмечают процесс взаимодействия местных (кобанских) и привнесенных (скифских) традиций. Мужские черепа характеризуются как европеоидные долихокранные с очень узким лицом, демонстрирующим основные черты средиземноморского варианта южной европеоидной расы. Женские черепа, наоборот, брахикранные. Однако самым неожиданным стал результат сравнения данной серии с другими. Сначала она была сопоставлена с различными группами Северного Кавказа. Выяснилось, что черепа из Уллубаганалы не выходят за рамки круга форм, характерных для Северного Кавказа VII в. до н. э. – I в. н. э. Затем было проведено сравнение серии из Уллубаганалы со скифами Причерноморья и Приднепровья. Результат, как признается сам А.Г. Тихонов, оказался весьма неожиданным: обнаружилось высокое сходство серии из могильника Уллубаганалы со скифскими группами Приднепровья и Причерноморья, причем это сходство превосходило сходство с северокавказскими группами⁶³.

На севере Азиатской Сарматии, по Птолемею, большая часть амадоков не задержалась, а двинулась дальше на запад, в Приднепровье. Говоря о начальном периоде скифизации лесостепной зоны Причерноморья, А.Ю. Алексеев отмечает: «В правобережную Днепровскую лесостепь еще один этап скифского проникновения фиксируется также во второй половине VII в. до н. э. Причем сюда предполагается приход части кочевого населения из Прикубанья и Северного Кавказа. Приблизительно тогда же, вероятно, произошла скифизация лесостепного Левобережья Днепра...»⁶⁴ Для начала VI в. до н. э. археологи предполагают активные действия

⁶¹ Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 145 – 146.

⁶² Виноградов В.Б. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 178 – 179.

⁶³ Тихонов А.Г. Новые данные к антропологии населения кобанской культуры (по материалам могильника Уллубаганалы) // Вестник антропологии. Альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 74 – 96.

⁶⁴ Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003. С. 117.

кочевников в Днепровской лесостепи, нашедшие свое отражение в следах штурма Трахтемировского городища⁶⁵. Особый интерес представляет Среднее Поднепровье, где впоследствии, в Средние века, жили поляне, отождествляемые автором ПВЛ с русами. В скифскую эпоху там обитало племя, известное окружающим народам под именем амадоков. Впервые о них упоминает современник Геродота Гелланик (ок. 485 – ок. 400 до н. э.): «Амадоки – скифское племя, о котором упоминает Елланник в соч. “О Скифии”. Земля их называется Амадокием»⁶⁶. Кроме него о них писал только Птоломей, который на реке Борисфен (Днепр) во II в. н. э. указал города Сар (56° – 50°15′) и Амадоку (56° – 50°30′)⁶⁷. Помимо них этот античный географ отмечает существование в Восточной Европе Амадокских гор (59° – 51°), причем «ниже соименных гор» жило особое племя амадоков, а в другом месте находилось озеро с аналогичным названием: «Часть реки Борисфена у озера Амадоки лежит под 53°30′ – 50°20′...»⁶⁸. Из упоминания одноименных города, гор, озера и племени можно предположить, что амадоки занимали достаточно большую территорию в Восточной Европе. К сожалению, карты самого Птолемея до нас не дошли. Чтобы получить хотя бы приблизительное представление о том, где античный географ размещал племя амадоков и связанные с ним названия, обратимся к картам Европейской Сарматии, составленной на основе его сочинения Николаусом Лауренти в 1480 г. (рис. 6) и современной реконструкции Ф. Миттенхубера (рис. 7).

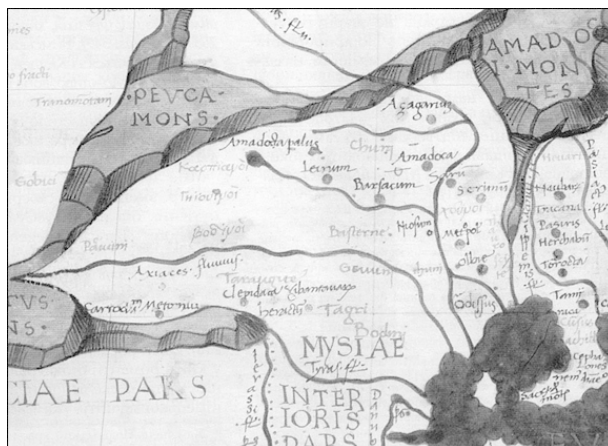

Рис. 6. Карта Европейской Сарматии, составленная Николаусом Лауренти в 1480 г.

⁶⁵ Там же. С. 154.

⁶⁶ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 253.

⁶⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I. М., 2009. С. 187.

⁶⁸ Там же. С. 185, 187.

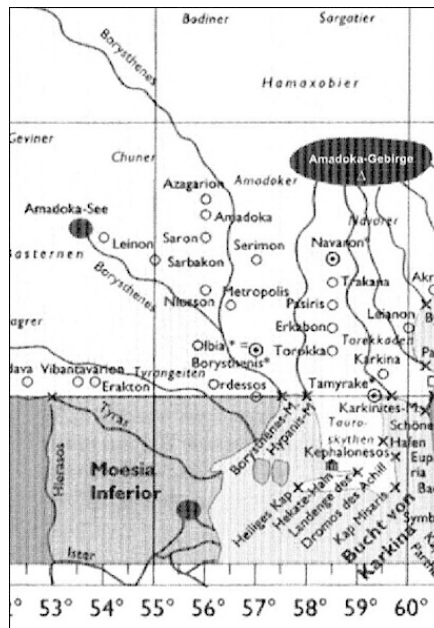

Рис. 7. Реконструкция карты Европейской Сарматии по Птолемею Ф. Миттенхубера

С городом Амадокой отождествлялись различные населенные пункты, в том числе и Киев. В пользу последнего говорят и данные нумизматики. Согласно обобщающему труду В.В. Кропоткина, на Украине по числу найденных кладов римских монет бесспорное лидерство принадлежит Киеву, на территории которого было найдено 6 кладов против 3 в Нежине, а также трех других городов, в которых было найдено по 2 клада. Соответственно, едва ли можно сомневаться в том, что поселение на месте будущего Киева было упомянуто Птолемеем в числе днепровских городов. Археологические данные показывают, что это место стало играть заметную роль в экономической жизни региона еще ранее. Исследователи многослойного поселения Ходосовка отмечали, «что еще в эпоху бронзы неподалеку от памятника в направлении переправы возле Киева проходил трансевропейский лесостепной путь (северная ветвь)»⁶⁹. Что касается озера, то по поводу гипотезы действительного существования в Восточной Европе большого озера мнения разделились: одни специалисты рассматривали ее как совершенно фантастическую, другие пытались доказать его наличие. Было предложено несколько вариантов локализации озера Амадока, из которых наиболее обоснованной представляется гипотеза О. Пламенецкой, основанная на анализе письменных источников, топографии и гидрографии Подолья, старинных картах данного региона, торговых путях, маршрутах татарских вторжений и целом ряде других фактов. На основании своих исследований она высказала мнение о расположении озера Амадока в древности (рис. 8). Согласно ей это озеро находилось примерно в точке 49°40' с.ш. – 26°29' в.д., если пользоваться современной системой координат. Разница с координатами Птолемея составляет соответственно примерно 1° и 27°. Относительно последнего расхождения следует отметить, что античный географ пользовался иной, нежели современная, системой координат, в которой точкой отсчета являлся один из Канарских островов. Применительно к днепровским городам величина ошибки становится меньше и координаты города Амадоки (50°30' с.ш. – 56° в.д.) достаточно точно соответствуют координатам Киева (50°27' с.ш. – 30°31' в.д.). В принципе ничего удивительного в этом нет. Очевидно, что греческие торговцы лучше знали Днепровский бассейн, а о координатах удаленных от него территорий имели менее точные представления. Что же касается Амадокских гор (51° с.ш. – 59°

⁶⁹ Готун І.А., Гаскевич Д.Л., Лисенко С.Д. Вивчення старожитностей первісної доби біля с. Ходосівка // Археологічні відкриття в Україні 2002 – 2003 рр. К., 2004. С. 104.

в.д.), то их в таком случае можно отождествить с начинающейся в современной Сумской области западной частью Среднерусской возвышенности. Наиболее высокие точки данной области составляют соответственно 222 и 226 метров над уровнем моря⁷⁰. Первая расположена рядом с селом Симоновка (50°49' с.ш. – 34°37' в.д.), вторая – неподалеку от села Ярославец (51°32' с.ш. – 33°39' в.д.). Как видим, разница между данными Птолемея и реальными географическими объектами снова увеличивается по мере удаления от Днепра.

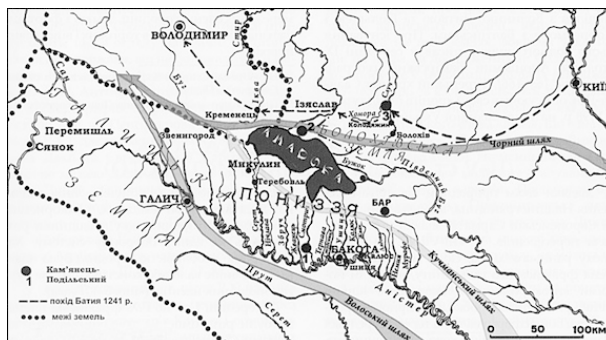

Рис. 8. Расположения озера Амадока в древности согласно О. Пламеницкой

О значимости локализации городов Сар и Амадока мы поговорим в четвертой главе, а пока обратим внимание на еще один чрезвычайно важный факт. Проанализировав упоминания летописцев, согласно которым те или иные древнерусские города то относились ими, то не относились к Руси, А.Н. Насонов пришел к выводу, что наряду с восприятием всего государства как Руси летописец подразумевал существование области, которую можно назвать Русью в «узком смысле» этого слова. Весьма показательно, что данная область не была связана с одним племенем: «Территория “Русской земли”, границы которой мы в общих чертах проследили по летописным известиям, не была старой племенной территорией, так как на ней обитали поляне, северяне или часть северян, часть радимичей и, может быть, часть уличей и вятичей; вхождение последних в состав “Русской земли” остается под сомнением. Перед нами следы неплеменного объединения, пределы которого определялись не этническим признаком. Устойчивость термина как термина географического, показывает, что “Русская земля” весьма древнего происхождения и сложилась она, очевидно, не в XI в., когда из состава ее выделяются княжества Киевское, Черниговское и Переяславское, а значительно раньше. Наконец, выделение из состава ее трех поименованных “областей” заставляет предполагать, что Киев, Чернигов и Переяславль были некогда центрами этой “Русской земли”. Дошедшие до нас в Повести временных лет договоры с греками в древнерусских переводах с греческого в полной мере подтверждают такое предположение»⁷¹. На основании изучения летописных текстов им была составлена карта этой «Русской земли» в узком смысле слова. Отмечая, что и в последующие времена термин «Русская земля» часто употребляется в летописи при описании борьбы с кочевниками, этот исследователь предположил, что само это образование возникло еще до Олега и Игоря: «Присматриваясь к границам “Русской земли”, мы неизбежно приходим к выводу, что границы эти определились еще в условиях хазарского ига, слабевшего в течение второй половины IX в., что население “Русской земли” первоначально состояло из тех славянских племен, которые были подчинены ранее хазарам. В самом деле, все летописные данные говорят о том, что борьба с древлянами и покорение их киевскими князьями восходит к глубокой древности. Но чем же объяснить, что даже в XII в. древляне считались живущими

⁷⁰ Карта Сумской области // Большая Советская энциклопедия. Т. 24. Кн. 1. М., 1976. Вклейка между с. 392–393.

⁷¹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002. С. 28 – 29.

за пределами “Руси”, “Русской земли”? (...) Очевидно, территориально она отлилась в очень древние времена, в период спада хазарского преобладания на юге и борьбы с хазарами»⁷².

Сопоставив связанные с амадоками названия античного географа с составленной А.Н. Насоновым картой «Русской земли» в узком смысле слова, мы получаем чрезвычайно интересную картину: как озеро Амадока, так и Амадокские горы достаточно точно совпадают с границами «Русской земли» на западе и на востоке примерно тысячелетие спустя (рис. 9). С другой стороны, главный город этого племени с достаточно большой степенью вероятности может быть отождествлен с будущей столицей Киевской Руси. Подобное совпадение при желании еще можно было бы трактовать как случайное, хотя оно и маловероятно сразу для трех ключевых точек, однако именно в этом регионе мы имеем и антропологическую преемственность населения от скифской до древнерусской эпох. Т.И. Алексеева в свое время писала: «Поляне антропологически очень сходны с населением черняховской культуры. М. С. Великанова, отметив эту связь, сделала очень осторожное замечание по поводу того, что сходство черняховцев и славянского племени полян еще не дает права относить черняховцев к предкам средневековых славян. Совершенно справедливое замечание. Но это сходство может быть истолковано в плане неславянской принадлежности полян. На юге европейской части СССР обнаруживается определенная линия преемственности: племена степной полосы эпохи бронзы (исключая трипольцев) – скифы лесостепной полосы – население черняховской культуры – поляне. Эта линия преемственности скорее свидетельствует против славянской принадлежности племен черняховской культуры, но черняховцы в данном случае в той же мере “скифы”, в какой скифы – население эпохи бронзы»⁷³. Сравнительно недавно проводя канонический анализ восточнославянских племен совместно с древними популяциями Поднепровья, А.А. Мовсесян продемонстрировала «цепочку **скифы – черняховцы – славяне**, скрытую за межплеменной изменчивостью»⁷⁴.

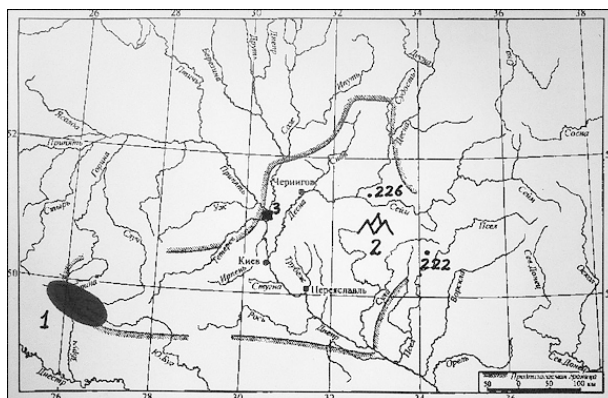

Рис. 9. Карта Русской земли по А.Н. Насонову и связанных с амадоками названий, составленная автором: 1 – озеро Амадока (по О. Пламеницкой); 2 – Амадокские горы; 3 – самый северный клад римских монет близ Днепра (по В.В. Кропоткину); 226 и 222 – высоты в Сумской области

Сама М. С. Великанова, беря для сравнения другие критерии, подчеркивала: «Однако нам кажется существенным тот факт, что именно у лесостепных “скифов” обнаруживаются столь постоянные для восточных славян большая величина носового указателя и относительно

⁷² Там же. С. 39.

⁷³ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 256.

⁷⁴ Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии в связи с проблемами расо- и этногенеза. Автореферат... докт. биол. наук. М., 2005. С. 39.

низкое по указателю лица. У собственно скифов этих особенностей нет»⁷⁵. Необходимо подчеркнуть, что сами скифы, или, если быть точнее, все те группы населения, которые мы обычно называем скифами, в антропологическом отношении были довольно неоднородны. Специалисты на основании последних исследований констатируют: «Среднее расстояние между всеми 22 скифскими группами равно 6,30, между 17 степными – 5,25, между 5 лесостепными – 5,88, между степными и лесостепными – 8,04. Как будет видно ниже, эти величины отнюдь не малы по общему масштабу. Существует множество нескифских групп, которые к скифам в целом, а тем более к отдельным скифским популяциям в среднем гораздо ближе, чем те – друг к другу. Таким образом, первый вывод, к которому мы приходим, состоит в том, что носители скифской культуры Северного Причерноморья были достаточно разнородны в антропологическом отношении»⁷⁶. Весьма различны и внешние связи обеих групп скифов. Если степные скифы наибольшую близость обнаруживают к носителям окуневской культуры Тувы, ямной культуры Украины, срубной культуры Саратовской области и катакомбной культуры степного Крыма и Украины, то лесостепные скифы ближе всего к носителям срубной культуры Украины, а затем катакомбной культуры Украины. А.Г. Козинцев отмечал, что по антропологическим данным связи степных скифов с носителями срубной культуры, судя по всему, неспецифичны и менее отчетливы, чем с носителями ямной и катакомбной культур. Однако в первой главе уже была показана антропологическая близость балановцев с носителями именно срубной культуры. Весьма интересен вытекающий из его материалов вывод о достаточно сильной неоднородности внутри самого лесостепного населения: «Прежде всего отметим, что две из пяти лесостепных серий абсолютно обособлены и не похожи ни одна на другую, ни на какую-либо из прочих 118. Среди 17 степных групп нет ни одной столь же изолированной...»⁷⁷ Таким образом, мы видим, что отдельные группы лесостепного населения скифского времени достаточно сильно отличались не только от степных скифов и более отдаленных хронологически и географически групп, но и от других групп лесостепного населения.

Достаточно явные отличия жителей лесостепи от собственно скифов-кочевников фиксируют и археологи. Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова констатировали: «Резко отличалась вся лесостепная Скифия от степной погребальными сооружениями и обрядом, характером поселений, а также украшениями и особенно керамикой. (...) В обряде погребения наблюдается сосуществование трупоположения наряду с трупосожжениями. Гораздо менее характерным для лесостепной Скифии, чем для степи, было захоронение людей при знатных покойниках... Говоря о различиях культур лесостепной и степной Скифии, следует отметить, что они наиболее отчетливо выступали в VII–V вв. до н. э. Со второй половины V в. и особенно в IV–III вв. до н. э. наблюдается установление интенсивных связей лесостепи и степи и греческими городами Северного Причерноморья, что в значительной мере нивелировало эти культуры. Однако и в этот период лесостепь сохранила свои особенности как в обрядах погребений, так и в отдельных формах инвентаря. Особенности лесостепной культуры скифской эпохи объясняются тем, что эта культура сложилась на другой основе, чем та, которую мы находим в степи»⁷⁸. В обеих частях Скифии отличен был и погребальный ритуал: если в степи, как отметил Д.С. Гречко, он изначально восходил к образу заупокойного жилища-повозки, то деревянные гробницы лесостепи связываются с домостроительными традициями местного населения. В целом ареал лесостепных культур скифского времени был достаточно распространен, и его население приняло впоследствии участие в сложении черняховской культуры.

⁷⁵ Великанова М. С. К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // Краткие сообщения Института археологии (далее – КСИА). Вып. 105. 1965. С. 64.

⁷⁶ Козинцев А.Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (32). 2007. С. 146.

⁷⁷ Там же. С. 154.

⁷⁸ Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Две археологические культуры в Скифии Геродота // СА. 1953. № 18. С.121.

Вопрос о взаимоотношении степи и лесостепи в скифскую эпоху остается дискуссионным. Часть исследователей исходит из подчинения лесостепных племен кочевниками, другие отрицают это, третьи предполагают, что речь может идти о подчинении только южной части правобережной лесостепи. Д.С. Гречко предполагает, что Геродотовы царские скифы заняли как степь, так и лесостепь Восточной Европы, а их потомки, связанные родством, впоследствии сохраняли между собой союзные отношения.

Как уже отмечалось выше, первоначальные русы, жившие на Средней Волге во II тыс. до н. э., принадлежали к узколищному долихокранному типу. Поляне в Средние века хоть и принадлежали к узколищному типу, однако к мезодолхокранной его разновидности. Хотя некоторое несоответствие антропологических характеристик двух групп населения, которых мы вправе называть русами, имеется, однако последние исследования антропологических признаков лесостепной полосы Поднепровья показывают, что в скифское время там присутствовал интересующий нас узколищный долихокранный тип: «В Правобережье отмечены два крайних морфологических варианта – длинноголовый узколищный (Медвин, Стеблев) и мезокранный широколищный (Мотронинское городище), а также промежуточный между ними комплекс Светловодского грунтового могильника. (...) Средние значения краниометрических признаков сравниваемых лесостепных групп показывают, что для большинства населения лесостепи преобладающим был долихокранный узко- и низколищный европеоидный комплекс»⁷⁹. Поскольку уже в скифское время в лесостепи фиксируется проникновение степных групп, а также в результате контактов между самими лесостепными группами становится понятно, почему к эпохе возникновения Древней Руси в Днепровском регионе мы видим следы узколищного долихокранного населения, а не сам тип в чистом виде. Что касается его возникновения в скифскую эпоху, то окончательные выводы пока значительно затрудняет почти полное отсутствие данных о населении лесостепи в предшествующее время. К настоящему времени известна лишь очень фрагментарная серия комаровско-тишнецкой культуры с Западной Украины, долихокранная и очень узколищная. Как отмечает С.Г. Ефимова, наряду с предположением об автохтонном происхождении лесостепного населения скифской эпохи вполне правомерно выглядит и гипотеза о формировании скифского массива на основе населения срубной культуры. Данная культура была неоднородна в антропологическом отношении, и в Волго-Уральском ее регионе наряду с преобладающим широколищным комплексом был зафиксирован и узколищный компонент. Последний, как отмечает исследовательница, вполне соотносится с интересующим нас лесостепным населением Поднепровья: «Выделяемые в составе серий срубного культурного ареала материалы так называемого “средиземноморских” форм, среди которых наиболее узколищными являются серии белозерского типа – могильники Широкое и Чернянка, – типологически сходны с лесостепными сериями скифского времени»⁸⁰. Хотя окончательную ясность в происхождение предков полян внесут последующие исследования, однако данные антропологии показывают, что по крайней мере часть из них вполне могла происходить из Волжского региона и, следовательно, принесла на новую родину свое самоназвание. Что же касается археологической стороны дела, то многие специалисты в этой области полагают, что именно срубная культура оказала решающее влияние на формировании культуры скифской. В Среднем Поднепровье мы видим именно тот антропологический тип, который был изначально свойствен русам, который хоть и не в чистом виде, но сохранил свою преемственность в данном регионе со скифского до древнерусского времени. Одновременно с антропологической преемственностью населения источники позволяют сделать вывод и о сохранении примерных границ занимаемой данным племенем территории. Соответственно, можно сделать вывод, что «Русская

⁷⁹ Ефимова С.Г. Соотношение лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии по данным краниологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. 2000. С. 39.

⁸⁰ Там же. С.43

земля» в узком смысле слова восходит не к хазарскому, как думал А.Н. Насонов, и не к антскому, как думал Б.А. Рыбаков, периодам, а к скифской эпохе в истории Восточной Европы.

Что касается неожиданного названия племени, то оно тождественно и некоторым личным именам, встречающимся в древности за пределами Скифии. В Греции под именем Амадок был известен какой-то гиперборейский герой. Павсаний описывает чудесное его появление при попытке галлов разграбить Дельфийский храм: «Когда они (этолийцы. – М. С.) вступили в рукопашный бой, вдруг молния ударила в галатов, на них низверглись камни, сорвавшиеся с Парнаса, и перед варварами явились, как привидения, вооруженные воины. Говорят, что двое из них, Гиперох и Амадок, явились из страны гипербореев, а третий был Пирр, сын Ахилла»⁸¹. Встречается это имя и во Фракии, где его носили два одрисских вождя – Амадок I (405 – 391 до н. э.) и Амадок II (359 – 351 до н. э.). Поскольку фракийцы были достаточно хорошо известны грекам, маловероятно, чтобы они их именовали гиперборейцами, и в случае с Дельфами речь идет, по всей видимости, о каком-то более северном народе.

Еще В. Томашек объяснил название племени амадоков из санскритского *amadaka* – «сыроядцы». Однако эта этимология не только указывает на контакты данного племени с индоариями, но и вызывает ряд вопросов. Уже задолго до V в. до н. э. огонь был знаком различным европейским племенам, и характеристика одного из них как «сыроядцы» вызывает недоумение. Тем более странным звучит такое имя для двух фракийских царей. Наиболее логичным объяснением подобного разительного несоответствия между рассматриваемым названием и известными по археологическим данным условиями жизни людей в ту эпоху является предположение, что это понятие есть отражение какого-то религиозного культа, одной из отличительных черт которого было поедание сырого мяса. Культовая омофагия (пожирание сырого мяса) отмечается исследователями у бога – поглотителя сырого Диониса Омеса, или Омадия, то есть Диониса Сыроядца⁸². В «Вакханках» Еврипида об этом боге говорится:

Он хищника жаждет улады:
За свежей козлиною кровью
Гонялся сейчас⁸³.

В науке есть несколько точек зрения на происхождение культа Диониса. Первоначально выдвигались две гипотезы – фригийско-фракийская и минойско-микенская. М. Нильсон не без основания полагал, что образ этого бога в Греции образовался из этих двух различных традиций. Еврипид в своих «Вакханках» неоднократно упоминал в связи с данным культом Фригию и Лидию. Аполлодор рассказывает, что Гера наслала на Диониса безумие, от которого он избавился именно во Фригии. «Там исцеленный Реей, постигнув таинства и получив от Реи столу, он направился через Фракию к индам»⁸⁴. Именно из Фригии началось триумфальное шествие культа Диониса. Страбон, отметив общность обрядов, установленных в культе Диониса, у греков с фригийскими обрядами в культе Матери богов, далее подчеркивает: «С этими обрядами схожи Котитии и Бендидии у фракийцев, у которых возникли и орфические обряды. (...) Ведь эти обряды похожи на фригийские, и весьма вероятно, что, поскольку сами фригийцы являлись переселенцами из Фракии, эти обряды были перенесены сюда из Фракии»⁸⁵. Согласно Геродоту, Дионис входил в достаточно немногочисленный круг фракийских богов: «Богов фракийцы чтут только трех: Ареса, Диониса и Артемиду. А их цари (в отличие от

⁸¹ Павсаний. Описание Эллады. Т. 1. М., 2002. С. 28.

⁸² Отто Б. Приносимый в жертву бог // Вестник древней истории. 1996. № 2. С. 104.

⁸³ Еврипид. Трагедии. Т. 2. М., 1999. С. 392.

⁸⁴ Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 52.

⁸⁵ Страбон. География. М., 1964. С. 448.

остального народа) больше всех богов почитают Гермеса и клянутся только им. По их словам, и сами они произошли от Гермеса»⁸⁶. Согласно Аполлодору, именно Орфей изобрел мистерии Диониса, а Суда отмечал, что легендарный певец происходил из фракийского города Либетр. Павсаний не только называет Орфея фракийцем и говорит, что он был растерзан фракийскими женщинами, но и отмечает, что остатки певца были похоронены во Фракии и именно в связи с ними местным жителям Дионисом было дано предсказание: «Как-то от Диониса во Фракии пришло жителям Либерфы предсказание, что, когда солнце увидит кости Орфея, тогда город либефрийцев будет разрушен свиньей»⁸⁷. Л. Фарнелл полагал, что к древнейшим верованиям фрако-фригийского региона восходят ритуалы, связанные с идеями жизни, смерти и возрождения бога произрастания. По мнению этого исследователя, экстазм дионисийского культа коренился в области представлений этого региона. В свете рассматриваемого вопроса показательно, что Л. Фарнелл считал именно фракийским по происхождению обряд омофагии, когда олицетворявшее бога животное разрывалось на части и пожиралось сырым. К этому же кругу реальных фракийских жертвоприношений в честь Диониса относится и миф об Орфее, растерзанном вакханками⁸⁸.

Весьма интересны и данные нумизматики в отношении фракийских царей: «Если на монетах более ранних представителей этого рода (Спарадока, Севта I) фигурируют самостоятельные и тематически не связанные между собой эмблемы, то на монетах Амадока I, Амадока II, Тереса II и Тереса III, различающихся между собой лишь именем царя, постоянно присутствует одна и та же эмблема – двуострая секира. Появление изображения этого характерного для фракийцев оружия (имевшего также прямое отношение к общефракийскому культу бога Диониса) на монетах одрисских царей должно было символизировать их претензию на правление над всей Фракией и указывать на законную преемственность власти»⁸⁹. Благодаря минойскому влиянию двулезвенная секира была символом культа Диониса в Греции. С учетом того что, согласно Геродоту, фракийские цари вели свое происхождение от другого бога, отождествляемого греками с Гермесом, подобная символика весьма показательна. И она становится вдвойне показательной, если учесть, что первым ее начал использовать именно Амадок I, а вслед за ним его преемник Амадок II и последующие фракийские цари. Данное обстоятельство подтверждает предположение, что интересующее нас имя находилось в прямой связи с дионисийским культом поедания сырого мяса. Все эти факты свидетельствуют о связи южной части русов с фракийцами.

Однако Дионис не был только богом плодородия. В. Иванов отмечал наличие «яростного бога-двойника кроткого Диониса – кровожадно исступленного Арея» и подчеркивал, что «Арей и Дионис должны рассматриваться как два противоположных лица одного мужского пупен, носившего разные племенные имена как Сабазий, Бассарей, Гигон, Балий, Диал»: «“Арея долю некую взял он в удел”: так намекает на изначальное тождество Диониса и Арея Еврипид. Дионис – бог воинских кликов, Элелей, как бог воинских кликов и Арес; Дионис – Эниалий, как Арей. Причем одноименный герой, Эниалий-фракиец, представляет собою страстный в дионисийском смысле тип Арея: он умирает от руки своего божественного двойника. Дионис, далее, – “бог, радующийся на мечи и на кровь”; он – “меднодоспешный воевода”. Оба божества сливаются в одном образе: “Бромий, копыносец ярый, в битвах шумящий, отец Арей!” Воинственные пляски в честь Диониса издавна совершались фракийцами...»⁹⁰ Следует также отметить, что и по классической греческой мифологии Дионис оказывается связан

⁸⁶ Геродот. История. М., 1993. С. 240.

⁸⁷ Павсаний. Описание Эллады. Т. 2. М., 2002. С. 218.

⁸⁸ Farnell L.R. The cults of the Greek States. Oxford, 1909. Vol. V. P. 100–107.

⁸⁹ Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев VII–V вв. до н. э. М., 1971. С. 217.

⁹⁰ Иванов В. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 30.

с Аресом: царь Фив Кадм женился на дочери Ареса Гармонии, которая родила ему дочерей Семелу и Агаву. От связи с Зевсом Семела родила Диониса, приходившегося Аресу внуком, а Агава впоследствии в приступе «дионисического» безумия растерзала собственного сына Пенфея. После того как Гефест перед лицом богов уличает свою жену Афродиту в прелюбодеянии с Аресом, бог войны удаляется именно во Фракию (Од. VIII, 361).

В. Иванов констатировал, что даже в начале XX в. народные обычаи на землях бывшей Фракии напоминали пережитки дионисийского культа: «Вся деревня собирается в церкви смотреть на ряженных “козлов”. Старики вспоминают, что прежде рядились и лисицами, и волками и накидывали на плечи олени шкуры. Один из козлов тащит деревянный фаллос. Ряженные изображают свадьбу, убийство человека-козла, плач жены над его телом и, наконец, его оживление. Потом они впрягаются в плуг и, влача его, молятся об урожае»⁹¹. О шествиях с фаллосом в честь Диониса в античной Греции упоминает тот же Геродот, а название генетически связанной с этим же божеством трагедии буквально означает «песнь козлов».

Култ этого божества в древности отмечается и в Скифии. На сходство обычаев агафиров с фракийскими указывал Геродот (IV, 104). Про другое племя «отец истории» сообщает: «Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление»⁹². Скифский царь Скил был убит соплеменниками из-за участия в вакхическом культе Диониса (IV, 79). Если в последнем случае речь идет о греческом культе, то в предыдущем мы, судя по всему, имеем дело с местным божеством, отождествленным автором с древнегреческим. О фракийском присутствии в этом регионе косвенно говорят и другие данные. Поскольку славянские названия таких крупных рек, как Днепр и Днестр, напрямую невыводимы из иранского, то некоторые лингвисты пытаются обойти имеющиеся трудности предположением о дако-фракийском посредничестве⁹³.

Утверждения письменных источников о распространенности культа Диониса в Северном Причерноморье находит свое подтверждение и в археологических материалах. Анализируя глиняную скульптуру лесостепной Скифии, Б.А. Шрамко отмечает: «Был широко распространен культ Диониса. Помимо прямого указания Геродота, это подтверждает и глиняная пластика. Изображениями этого многовариантного бога плодородия могут быть некоторые мужские фигурки. Встречаются фигурки танцующих спутников Диониса – менад. С культом этого бога следует связывать и многочисленные изображения фаллосов. Среди фигурок животных имеются такие, в которых, согласно мифам, мог перевоплощаться Дионис». Среди глиняных скульптур встречаются модели рала и ярма, что соотносится с изложенным Геродотом мифом о происхождении скифов-пахарей. Важным представляется и другой вывод исследователя: «У кочевников степной Скифии аналогичных комплексов глиняных скульптур нет, и, следовательно, последние не входят в число элементов собственно скифской культуры»⁹⁴.

Выше мы видели, что различные данные указывают на отличие жителей Среднего Поднепровья от скифов-кочевников как в антропологическом, так и в археологическом и религиозном аспектах. В связи с этим достаточно показательно, что следы религиозного ритуала, в честь которого амадоки получили свое прозвище, присутствуют и в восточнославянском фольклоре. В белорусских купальских песнях описывается обряд разрывания «на мясо» суки или выполнявшей её роль девушки, которая затем доставалась молодцам:

Будя, дятюки, лихо вам:
Якое лихо? Лихоя:

⁹¹ Там же. С. 123.

⁹² Геродот. История. М., 1993. С. 214.

⁹³ Этимологический словарь славянских языков (далее – ЭССЯ). Вып. 5. М., 1978. С. 182 – 183.

⁹⁴ Шрамко Б.А. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии // РА. 1999. № 3. С. 46 – 47.

Погонитя сучки у поля!
Которая ня йде, дек вяде,
Которая бяжить, дяржите.
Одна сучечка подласа:
То для дятюшков на мясо!⁹⁵

Похожий ритуал встречается и в русских троицко-сёмицких песнях:

Дело сделали –
Венки завили,
Куницу убили,
Зубами лупили,
По шубоньке сшили...⁹⁶

Помочь лучше представить религиозные воззрения скифов-пахарей позволяет один излагаемый Овидием миф. Согласно ему Церера даровала Триптолему семена вместе с летающей колесницей и велела распространить в мире земледелие:

Вот он уже до скифских домчался пределов.
В Скифии царствовал Линк. Вошел он под царскую кровлю.
С чем и откуда пришел, про имя и родину спрошен, –
«Родина, – молвил, – моя – пресветлой твердыня Афины,
Имя же мне – Триптолем. Не на судне я прибыл, по водам,
Не на ногах по земле: мне открыты пути по эфиру.
Вот вам Цереры дары: по широким рассеяны нивам,
Пышные жатвы они принесут вам и добрую пищу».
Зависть почуял дикарь: быть хочет виновником дара
Сам. Триптолема приняв, как гостя, на спящего крепко
Он нападает мечом. Но, грудь пронзить уж готовый,
Был он Церерою в рысь обращен⁹⁷.

В высшей степени показательно, что в том же самом сочинении Овидий называет рысей животными Диониса-Вакха: «Рысей, как дань, принесла лозоносному Индия Вакху»⁹⁸. К этому надо добавить, что другой античный миф приписывает изобретение земледелия именно тому же божеству: «Диониса Сабазия представляли с бычьими рогами, потому что, как пишет Диодор Сицилийский, он первый заставил вола пахать землю, другими словами, стал сеять ячмень»⁹⁹. Археологические данные подтверждают изложенный в мифе маршрут распространения земледелия, однако в гораздо более раннюю эпоху по сравнению с той, которую имел в виду Овидий: «На основе анализа видового состава культурных злаков, которые высевали неолитические и энеолитические земледельцы, можно сделать бесспорный вывод о том, что первые злаки в Поднепровье попали через Балканы»¹⁰⁰. Его довольно давние корни и послужили основой для возникновения мифа о соперничестве Линка и Триптолема. Как отмечал

⁹⁵ Бессонов П.А. Белорусские песни. М., 1871. С. 33.

⁹⁶ Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. № 512 – 513.

⁹⁷ Овидий. Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1994. С. 115.

⁹⁸ Там же. С. 332.

⁹⁹ Грейвс Р. Белая Богиня. Екатеринбург, 2005. С. 430.

¹⁰⁰ Телегин Д.Я. Там, где вырос Киев. Киев, 1982. С. 36.

Б.А. Шрамко, в лесостепной Скифии среди глиняных скульптур встречаются и фигуры рыси, что в свете приведенного мифа весьма показательно.

Следует также отметить, что в орфической традиции также говорится о различных антропоморфных и зооморфных превращениях Диониса-Загрея:

Разнообразно меняя свой вид, становился другим он –
То как коварный Кронид молодой, потрясая эгидой,
То как медлительный Кронос, старик, насылающий ливни...
То он подоби́лся льву, воспылавшему гневом ужасным.
Пасть изрыгала его приводящее в трепет рычанье...
Вдруг он свой облик меняла вместо львиного лика казался
Неукротимым конем, издающим звонкое ржанье,
С гребнем высоким, узду прикусившим зубом надменным,
Стертую челюсть свою орошающим белую пеной.
То превращался в дракона с рогами, с чешуйчатым телом...
После покинув всегда подвижное змеиное тело,
Тигром он стал, запятнав свою пеструю шкуру, а после
Преобразился в быка и издав его мордой мычанье¹⁰¹.

Однако тигр водился только в Азии, и можно предположить, что первоначально это был другой хищник из породы кошачьих, вполне возможно, что и рысь.

Мотив оборотничества в рысь встречается и в отечественной традиции, причем, как и в случае с Линком, применительно к правителю. Романа Галицкого летописец прославлял так: «оустремил бо са баше на поганыѣ а́ко и левъ. сердить же быс а́ко и рысь. и гоубаше а́ко и коркодилъ. и прехожа́ше землю ихъ а́ко и ѿрель. храборъ бо бѣ а́ко и тоуръ»¹⁰². В отечественной статье об истинных и ложных книгах по поводу колдунов, умеющих оборачиваться в различных животных, говорится: «тѣло свое хранить мертвѣ, а летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ, и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, и волкомъ, летаютъ змѣемъ, и рыщутъ рысію и медвѣдемъ»¹⁰³. Если в летописной статье о Романе Галицком еще можно предположить рысь как литературный образ, то в данном фрагменте речь о ней идет определенно в контексте умений колдуна. Сказка «Арысь-поле» рассказывает про то, как мачеха обратила свою падчерицу зверем Арысь-поле. Это говорит о том, что представление об умении оборачиваться в данное животное распространялось не только на мужчин, но и на женщин.

Кроме того, у русских Верхокамья во второй половине XX в. были записаны былички, в которых фигурирует персонаж по имени *Елисна*: «Елисна – это ведьма, в первом случае живущая в деревне и превращающая молодую жену главного героя в рысь, а во втором – живущая в лесу и подменяющая рождающихся в семье детей “собачкой-лявгуньей, кошкой-мявгуньей и парнячком Курёночкой”». В ещё одной аналогичной быличке колдунья не фигурирует: девушка не стерпела побоев мужа, ушла в лес и превратилась в рысь»¹⁰⁴. Еще в 1930 г. Д.К. Зеленин указал на связь слова *ѣлс* с именем языческого бога Велеса¹⁰⁵. Поскольку в камских быличках с рысью оказывается связан не мужской, а женский персонаж, это указывает на то, что данные сюжеты, по всей видимости, возникли еще в эпоху матриархата и по своему происхождению

¹⁰¹ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 202.

¹⁰² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 716.

¹⁰³ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916. С. 212.

¹⁰⁴ Злобин П.С. Ёлс, верхокамская Елисна и проблема Велеса // Зеленинские чтения. Киров, 2013. С. 79.

¹⁰⁵ Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. II // Сб. МАЭ. Т. IX. Л., 1930. С. 99.

являются более древними, чем сюжеты, иллюстрирующие связь с рысью мужских персонажей скифов-пахарей или героев средневековой Руси. На территории распространения балановской культуры целый ряд других фактов указывает на существование там культа Велеса. Поскольку сюжет о Елисне, жене или женской ипостаси Велеса территориально был зафиксирован непосредственно вблизи древнейшей прародины русов, а по своему происхождению он является более архаичным, нежели приведенный Овидием, данное обстоятельство указывает на существование связи в религиозной сфере между балановцами и скифами-пахарями. Поскольку Велес имел самое непосредственное отношение к плодородию, вполне возможно отождествление его греками с Дионисом.

Общеиндоевропейское название рыси было образовано от корня *leuk/luk* – «светить», что связывается с ее светлой шкурой или светящимися глазами. Следует отметить, что хоть понятие «рысь» встречается в греческом, германском, армянском, кельтском, славянском и балтском языках, однако мотивов оборачивания в нее героя в индоевропейской традиции крайне мало, что резко контрастирует с распространенностью культов волка и медведя в индоевропейской мифологии. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов констатируют: «В мифологическом и ритуальном отношении роль рыси в большинстве древних индоевропейских традиций минимальна. В некоторых северных традициях “рысь” замещает функционально отсутствующих в соответствующей экологической среде крупных хищников. В частности, в восточнославянских княжеских погребальных обрядах роль “леопарда” других индоевропейских традиций выполняет “рысь” (ср. принесение в жертву когтей “рыси или медведя”)... Отсутствие следов особой культовой роли “рыси”, “дикой лесной кошки” в древних индоевропейских традициях при ее экологической распространенности и сохранении в первичном значении названия этого животного во многих индоевропейских традициях может объясняться особенностями структурной иерархии в системе древнейших индоевропейских мифологических представлений “диких животных”»¹⁰⁶. Более чем слабая распространенность образа рыси, особенно применительно к правителю, делает весьма вероятным предположение о существовании генетической преемственности в этом случае между мифологическими представлениями скифов-пахарей и средневековых русов.

Как письменные, так и археологические данные говорят о существовании культа солнца у скифов-пахарей. Следует обратить внимание и на другой аспект их культа. Римский автор Валерий Флакк так описывает скифов и их главу: «Предводитель Колакс, тоже божественной крови: Юпитер произвел его на скифском побережии вблизи зеленой Мираки и Тибисенских устьев, прелыщенный (если это достойно веры) полузверским телом и не уstraшенный двумя змеями нимфы. Вся фаланга носит на резных покровах (щитах) Юпитеров атрибут – разделенные на три части огни (т. е. перун). Не ты первый, воин римский, рассыпал по щитам лучи сверкающей молнии и красные крылья. Кроме того, сам Колакс собрал воздушных драконов, отличие матери Оры, и с обеих сторон противопоставленные змеи сближаются языками и наносят раны точеному камню»¹⁰⁷. Как было показано в исследовании о Дажьбоге, возведение царского рода к богу солнца, на что указывает само имя Колоксая, солнце-царя, было свойственно восточной половине индоевропейской общности. Но одновременный с этим культ громовержца встречается нам в эпоху Древней Руси, где именно Перун выступает покровителем солнечного рода древнерусских князей. Показательно и то, что на Руси громовержец мог выступать и в облике дракона, что находит аналогию в приведенном выше описании эмблематики Колаксы, включающей в себя и знаки молнии, и драконов.

¹⁰⁶ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 512.

¹⁰⁷ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. II. Вып. 1. Латинские писатели. СПб., 1904. С. 207–208.

Рис. 11. Карта фракийских топонимов И. Дуриданова

Интересно сопоставить эту локализацию с некоторыми археологическими данными. В.Б. Ковалевская изучила географию распространения акинаков (скифских мечей) первого этапа (рис. 12) и отмечает: «Наиболее интересно распространение акинаков с территории Кавказа на Средний Дон (возможно, из Прикубанья через Нижний Дон, возможно, из Центрального Предкавказья путем “отложившихся скифов” междуречьем Дона и Волги), далее широтным путем в лесостепное Приднепровье, а затем в Трансильванию. Линия, соединяющая между собой ближайшие территориально памятники, очень четко рисует путь, который начиная с VII в. до н. э. соединял Кавказ через степное пространство с Доном, лесостепью с Днестром и бассейном Дуная»¹⁰⁹. Как видим, в целом ряде мест, где археологи фиксируют скопление акинаков, античные географы упоминают амадоков. На Дунае письменные источники их не знают, но вместо них там упоминаются русы. Возможно, что амадоки-русы находились в составе тех скифов, с которыми было связано распространение акинаков уже на самом первом этапе. Впрочем, не исключена и более западная локализация на территории современной Венгрии, где в Средневековье упоминается Рутенская марка¹¹⁰. Окончательно определить точное местоположение Русидавы помогут дальнейшие археологические, антропологические и генетические исследования.

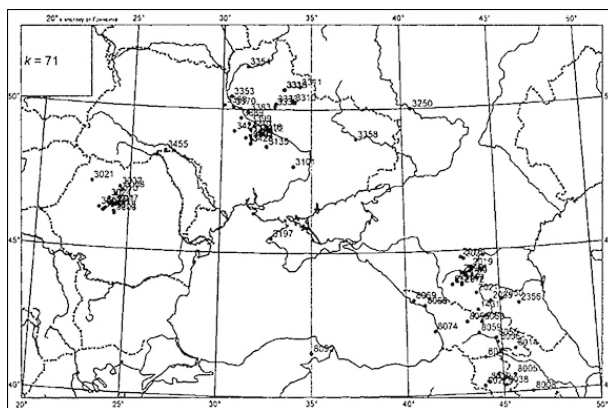

Рис. 12. Составленная В.Б. Ковалевской карта распространения акинаков 1-го этапа

Что касается второго корня в данном топониме, то его следует сопоставить с фракийским *dava* – «город», неоднократно встречающимся в качестве второго компонента в балканской топонимике, как то Акидава, Бурридава, Пербуридава, Сакидава и т. п.¹¹¹ Таким образом, буквальным значением названия Русидавы является «город русов», и в этом отношении оно несомненно указывает на весьма раннее пребывание части русов в данном регионе. Поскольку достоверность Певтингеровой карты как исторического источника не ставится специалистами под сомнение, систематическое игнорирование указанной на ней Русидавы объясняется лишь стремлением замолчать неудобный факт, согласно которому русы присутствовали на Дунае уже в первые века нашей эры. Хотя прямых доказательств связи Русидавы Певтингеровой карты с «Русской землей» в узком смысле слова или территорией расселения племени амадоков пока нет, однако, изучая одноименное озеро, О. Пламенецкая обратила внимание, что в регионе Подолии встречается дакийская топонимика с названиями поселений, содержащих в

¹⁰⁹ Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М., 2005. С. 29.

¹¹⁰ Серяков М.Л. Русы от Волги до Дуная. М., 2015. С. 28 – 32.

¹¹¹ Дуриданов И. Езикът на Траките. София, 1976. С. 113.

себе слова «дава», такие как Лядава, Видава и т. п. Данное обстоятельство демонстрирует связь между территорией расселения амадоков и Русидавой вблизи Дуная.

Уже упоминавшаяся отечественная «Повесть о Словене и Русе» точно так же связывает славян и русов со скифами, встраивая все это в библейскую генеалогию: «Лето от сотворения света 2244 по потопе во 2-е лето по благословению отца своего Ноя Афету излившуюся на западные страны и на северные даже и до полунощныя. По мале же времени правнучи Афетовы Скиф, Казардан отлучишася от братии своей... И от сих породишася сынове и внуцы, и умножишася зело, и прозвашася по имени прадеда своего Скифа Скифия Великая. И бысть между ими распря и междоусобие и крамола многа тесноты ради места. Начальнии же их родители тогда княжаху единого отца дети пяточислени, им же имена суть: 1-е Словен, 2-е Русь, 3-е Болгор, 4-е Коман, 5-е Истер. (...) Князем убо скивским Словену и Русу мудростию и храбростию в роде своем всех превзошедшим, и начаша размышляти с подданными своими... Лета 3099 (2409 г. до н. э.) Словен и Рус с роды своими отлучишася от Експонта и от роду своего и от братии и хождаху по странам вселенныя, яко крылатии орли прелетаху пустыни многии...»¹¹² Происхождение «Повести о Словене и Русе» остается непонятным, время ее возникновения теперь определяют первой третью XVII в.¹¹³ Хотя вполне возможно возникновение данного фрагмента под влиянием книжной учености автора «Повести», а не устной традиции, однако далее при описании событий на севере он, как полагают исследователи, использует мотивы новгородского фольклора. Хотя до выяснения всех источников, которыми пользовался создатель «Повести о Словене и Русе» какие-либо выводы делать преждевременно, следует отметить, что данный памятник, отличный от ПВЛ, связывает начало Руси с южным, скифским миром.

¹¹² ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 11.

¹¹³ Лаврентьев А.В., Турилов А.А. «Повесть о Словене и Русе» о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени. Тезисы XV конференции. М., 1996. С. 19.

Глава 3. Южное побережье Балтики на рубеже эр

В предыдущей книге в связи с названием мыса Русбей приводились слова древнеримского автора I в. н. э. Плиния Старшего о том, что кимвры называли замерзающую часть Балтийского моря Моримарусой, то есть Мертвым морем. Как показал О.Н. Трубачев, это название происходит из праслав. *mor'e mьrъše* (или раннепраслав. *mari mrusja*)¹¹⁴. Однако это предполагает наличие каких-то контактов славян с кимврами. Римляне впервые столкнулись с последними в 113 г. до н. э., когда кимвры вместе с тевтонами попробовали захватить Италию. В 101 г. до н. э. нападавшие были разгромлены римским полководцем Марием. Плутарх отмечал, что хоть никто из римлян точно не знал, откуда были эти варвары, но большинство считало их германцами с побережья Северного океана. Греческий ученый Птолемей локализует кимвров на севере Ютландии, и, по мнению большинства современных исследователей, это племя действительно первоначально жило на территории современной Дании. В более поздний период этот регион упоминается в отечественной Повести временных лет в связи с локализацией варяжской Руси. Начав с библейского предания о разделении между собой земли тремя сыновьями Ноя, монах отметил, что Иафету по жребию достаются северные и западные страны, и в связи с их перечислением на страницах летописи впервые упоминается и Русь: «В Афетовъ же части сѣдять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Веси... Ляхове же и Пруси и Чюдь пресѣдять к морю Варяжскому. По сему же морю сѣдять варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова, по т(о) му же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошски. Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свей, Оурмане, (Готѣ), Русь, Агнянѣ, Галичане, Волѣхва, Римляне, Нѣмци...»¹¹⁵ – «В Иафетовой же части обитает русь, чюдъ и всякие народы: меря, муромы, веси... Поляки же и пруссы, и чюдъ сидят близ моря Варяжского. По этому же морю сядят варяги: отсюда к востоку – до предела Симова, сидят по тому же морю и к западу – до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норвежцы, готы, русь, англѣ, галичане, волохи, римляне, немцы...» В этом самом первом летописном упоминании Руси легко заметить некоторую двойственность: если в первом процитированном предложении Русь упомянута вместе с финно-угорскими и балтскими племенами Восточной Европы, то уже через два предложения она упоминается вместе с народами, проживающими в Северной, Центральной и Западной Европе. В этом втором списке Русь помещается между готами, жителями острова Готланд, и англами, которые до своего переселения на территорию современной Англии в IV–V вв. жили на территории нынешней Дании и пограничной с ней области Германии. Память об их пребывании оставила весьма устойчивый след в этом скандинавском государстве. А.Г. Кузьмин отмечал, что «“Англией” называет англосаксонский король Альфред (871 – 901 гг.) пограничную с землями славян часть Ютландии, и это название удерживалось за ней вплоть до XIX в.»¹¹⁶. До сих пор сохранилось и название Ангельн (нем. Angeln, лат. Anglia) – местности на северо-востоке федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн на границе между современными ФРГ и Данией. Более чем показательное упоминание автором ПВЛ «земли Английской» в качестве западной границы расселения варягов по Балтийскому морю. Поскольку речь идет о Варяжском море, то очевидно, что «земля Английская» – это не современная Англия, а первоначальное место обитания англов в Ютландии до их переселения в Британию. Отметим также, что в XII в., когда была составлена Повесть временных лет, бывшие земли англов на континенте в качестве западной границы уже не соответствовали существовавшим в то время этнополитическим реалиям, из чего следует, что в данном случае отечественный летописец

¹¹⁴ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003. С. 44.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 4.

¹¹⁶ Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 31.

передавал какую-то более раннюю традицию. Окончательно убеждает нас в этом упоминание англов в качестве соседей руси в следующем предложении. Если «земля Английская» могла по традиции использоваться для обозначения бывшего места обитания этого племени спустя века после его переселения в Британию, то нет никаких данных, свидетельствующих о том, что заселившие их земли другие германские племена стали зваться англами. Таким образом, упоминание племени англов непосредственно после упоминания русов должно отражать ситуацию до V в., когда англй переселились на запад. Таким образом, несмотря на то, что строки летописи отражают ситуацию, существовавшую в западной части Варяжского моря за столетия до создания ПВЛ, в процитированном ее фрагменте англй и их земля упомянуты дважды: первый раз при описании западной границы расселения варягов, а в следующем предложении в качестве непосредственных соседей русов. Подобная последовательность при использовании их в качестве географического ориентира указывает на устойчивость этой традиции.

Англй захватили Британию вместе с другим германским племенем – саксами. В связи с этим в высшей степени показательно, что по соседству с последними русов упоминает другой и притом более ранний, по сравнению с ПВЛ, источник. При описании потомства все того же библейского Иафета неизвестный еврейский автор «Книги Иосиппон», написанной в середине X в. в Южной Италии, отмечает: «Мешех – это Саксани. Тирас – это Руси. Саксани и Энглеси живут на великом море, Руси живут на реке Кива, впадающей в море Гурган»¹¹⁷. Как видим, и еврейский автор X в., живший ближе ко времени призвания варягов, одну Русь помещает по соседству с саксами и англами, а вторую – на Днепре (название реки здесь дано по имени главного города, стоящего на ней, – Киева), которая у него впадает в Каспий (море Гурган). Предположение Г.М. Бараца о том, что автор ПВЛ заимствовал перечень «Потомства Иафета» из данного еврейского текста, крайне маловероятно и, скорее всего, сходство их объясняется тем, что оба они описывали существовавшие в ту эпоху реалии. О весьма ранних славяно-английских контактах свидетельствуют и данные лингвистики. Сравнительно недавно лингвисты выделили в древнеанглийском языке 18 слов, которые германские завоеватели Британии заимствовали от славян. На их основании В.В. Мартынов пришел к заключению о том, что в III–IV вв. саксы и англй контактировали со славянами. Полностью согласен с этим выводом и археолог В.В. Седов: «Они свидетельствуют о непосредственных и некрatkовременных контактах славян с племенами англов и саксов до их миграции в V в. на Британские острова»¹¹⁸.

Понять степень интенсивности ранних англо-славянских языковых контактов нам поможет их сравнение с более поздними контактами, которые имели место между скандинавами и восточными славянами. Лингвисты уже давно отмечали, что в древнерусском языке, словарный запас которого состоял примерно из десяти тысяч слов, на долю заимствований из германских языков приходится, по различным оценкам, от шести (В.А. Мошин)¹¹⁹ до восьми (С.Н. Сыромятников)¹²⁰ или «около десятка слов происхождения сомнительного, или действительно германского... и если по ним одним судить о степени влияния скандинавского на наш язык, то нельзя не сознаться, что это влияние было очень слабо, почти ничтожно» (И.И. Срезневский)¹²¹. Современные норманисты также были вынуждены признать, что из скандинавских языков в древнерусский было заимствовано лишь десять слов, а древнешведский язык заимствовал из древнерусского 12 слов¹²². Поскольку контакты восточных славян со скандинавами

¹¹⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3. М., 2009. С. 171 – 172.

¹¹⁸ Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 25.

¹¹⁹ Мошин В.А. Начало Руси. Svarek 1. С. 43.

¹²⁰ Сыромятников С.Н. Древлянский князь и варяжский вопрос // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XL, июль 1912. С. 132 – 133.

¹²¹ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 130 – 131, 154.

¹²² Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М., 1984. С. 64 – 68.

начались еще до образования Древнерусского государства и продолжались на протяжении длительного периода, это показывает, как медленно слова из одной языковой семьи проникали в речь представителей другой языковой семьи. То, что по количеству заимствованных слов интенсивность славяно-англосаксонских контактов была чуть ли не в два раза больше древнерусско-скандинавских контактов, говорит либо о достаточно продолжительном периоде этих контактов, либо о высокой степени их интенсивности.

О тесноте славяно-англосаксонских контактов красноречиво говорит и тот факт, что переселившиеся в Британию германские племена заимствовали у своих славянских соседей даже имена некоторые их богов. Древнеанглийские источники отмечают, что в X в. в Англии кроме верховных германских богов в языческих ритуалах особо почитались также Флинн (Flinn), черный демон Чернобог (Zernobok) и богиня Сиба (Siba, Seba, Sjeba)¹²³. Культ Чернобога, славянская этимология которого очевидна, отмечал у средневековых полабских славян Гельмольд, а о боге Флинце у лужичан упоминали более поздние писатели, такие как Бото, Христофор Манлий, Иеримия Симон и ряд других. Очевидно, что упоминаемая наравне с ними средневековыми англосаксонскими источниками Сиба также является славянской богиней Сивой. Как показывает мировой опыт, заимствование нескольких мифологических образов одним народом из пантеона другого также требует достаточно длительного периода контактов между обеими общностями.

На основании археологических данных традиционно считается, что славяне появились на территории Северной Германии в VI в. н. э., однако, говоря в целом о начальном периоде славяно-германских контактов, ряд филологов предлагает более ранние датировки. В. Кипарский полагал, что они начинаются еще в прагерманский период в III в. до н. э., а В.В. Мартынов отнес их к середине I тыс. до н. э.¹²⁴ Еще в начале XX в. выдающийся чешский славист Л. Нидерле писал, «что славяне пришли в Восточную Германию не в VI или VII веке, а значительно ранее, по крайней мере во II или III веке»¹²⁵. В другом месте он констатировал, что можно «с полным основанием утверждать, что славяне в начале первого тысячелетия до нашей эры со своей родины за Вислой продвинулись и в Восточную Германию... Об этом, помимо данных археологии, свидетельствуют и относительная чистота топографической номенклатуры между Одрой и Вислой, а также и то, что германцы переняли название Вислы от славян.

До этого момента мы можем серьезно говорить об автохтонности славян в Германии; славяне там были или, по крайней мере, могли там быть до германцев.

Когда же германцы в течение первого тысячелетия постепенно заняли всю Германию, а стало быть и Восточную, то славяне либо были вытеснены ими, либо поглощены, и Германия стала германской»¹²⁶. Некоторые отечественные археологи также указывали на достаточно раннее присутствие славян в Германии. В.В. Седов писал: «Очевидно, можно полагать, что предками славян – носителей торновской керамики была какая-то часть пшеворского населения. Эта племенная группировка славян вышла не из Висленского региона, а из Одерского, занятого в основном германскими племенами. По-видимому, на Одере в римское время среди германских племен имелись относительно небольшие группы славян, но выявить их на конкретных археологических материалах пока не представляется возможным»¹²⁷. В.Л. Глебов полагает, что надо говорить не о «небольших группах славян», а вести речь о более крупных общностях: «В Бранденбургско-Саксонско-Силезском регионе (лишь восточная часть которого относится к пшеворской культуре) позднелужицкой области, как показывает дальнейшее развитие, появ-

¹²³ Руберт И.Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов. Диссертация... докт. филолог. наук. СПб., 1996. С. 325.

¹²⁴ Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 70.

¹²⁵ Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 105.

¹²⁶ Там же. С. 102.

¹²⁷ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 142.

ление германских племен не привело к ассимиляции протославян. Вплоть до первой трети IV в. н. э., входя в состав имевших германские наименования объединений, они сохранили и свой язык, и этнографические признаки»¹²⁸.

С учетом отмеченных англо-славянских контактов наиболее вероятным претендентом на роль ранних славян на территории Северной Германии является племя варнов. В Средние века оно входило в славянский племенной союз ободритов. Описывая расположение западнославянских племен, Адам Бременский перечисляет их с запада на восток: «Славянские племена весьма многочисленны; первые среди них – вагры, граничащие на западе с трансальбинами; город их приморский Ольденбург (Старград. – М. С.). За ними следуют ободриты, которые ныне зовутся ререгами, и их город Магнополь (Мекленбург. – М. С.). Далее, также по направлению к нам – полабы, и их город Ратцебург. За ними живут глиняне и варны. Еще дальше обитают хижане и черезпеняне...»¹²⁹ У Гельмольда порядок перечисления несколько иной: «Хижане и черезпеняне живут по эту, доленчане и ратары по ту сторону Пены. Эти четыре племени за свою храбрость называются вильцами, или лютичами. Ниже их находятся глиняне и варны. За ними следуют бодричи, город их – Микилинбург»¹³⁰. Больше данные авторы не упоминают это племя, однако у Гельмольда есть один интересный пассаж, касающийся места его обитания: «После этого герцог Генрих вторгся в землю славян с большим войском и опустошил ее огнем и мечом. Никлот, видя храбрость герцога, сжег все свои крепости, а именно Илово, Микилинбург, Зверин и Добин, принимая меры предосторожности против грозящей осады. Одну только крепость он оставил себе, а именно Вурле, расположенную на реке Варне, возле земли хижан»¹³¹. Из этого фрагмента следует, что для Никлота, от сыновей которого пошел род современных мекленбургских герцогов, признавших над собой власть немцев, наибольшую ценность представляла крепость на реке Варне, из которой он сопротивлялся немецкому нашествию. Из более поздних средневековых грамот следует, что крепость Вурле была центром одной из трех жуп племен варнов¹³².

Однако название этого племени встречается в письменных источниках при описании того же региона уже за тысячу лет до того, как оно упоминается немецкими хронистами. В 98 г. н. э. Тацит писал: «Обитающие за ними (лангобардами. – М. С.) ревдинги, и авионы, и англии, и варины, и эвдосы, и свардоны, и нуитоны защищены реками и лесами. Сами по себе ничем не примечательные, они все вместе поклоняются матери-земле Нерте, считая, что она вмешивается в дела человеческие и навещает их племена. Есть на острове среди Океана священная роща, и в ней предназначенная для этой богини и скрытая под покровом из тканей повозка; касаться ее разрешено только жрецу. Ощувив, что богиня прибыла и находится у себя в святилище, он с величайшей почтительностью сопровождает её, влекомую впряженными в повозку коровами. Тогда наступают дни всеобщего ликования, празднично убираются местности, которые она удостоила своим прибытием и пребыванием. В эти дни они не затевают походов, не берут в руки оружия; все изделия из железа у них на запоре; тогда им ведомы только мир и покой, только тогда они им по душе, и так продолжается, пока тот же жрец не возвратит в капище насытившуюся общением с родом людским богиню. После этого и повозка, и покров, и, если угодно поверить, само божество очищаются омовением в уединенном и укрытом ото всех озере»¹³³. Находка двух четырехколесных повозок в ютландском Дейбьерге считается археологическим соответствием описанного Тацитом ритуала¹³⁴.

¹²⁸ Глебов В.Л. Дискуссионные вопросы славянского этногенеза // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995. С. 25.

¹²⁹ Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 40.

¹³⁰ Там же. С. 156.

¹³¹ Там же. С. 255.

¹³² Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4. История балтийских славян. СПб., 1874. С. 107.

¹³³ Тацит К. Сочинения в двух томах. СПб., 1993. С. 353.

Исследователи установили, что имя Нерты – точный женский эквивалент имени скандинавского бога Ньерда¹³⁵. Согласно «Саге об Инглингах» после первой войны в мире между богами асами и ванами был заключен мир, скрепленный обменом заложниками: «Ваны дали лучших своих людей, Ньерда Богатого и сына его Фрейра, Асы же дали в обмен того, кто звался Хениром... Вместе с ним Асы послали того, кто звался Мимиром, очень мудрого человека, а Ваны дали в обмен мудрейшего среди них. Его звали Квасир»¹³⁶. Война между двумя классами богов неоднократно встречается в мифологии индоевропейских народов, однако это не исключает того, что на этот архетипический сюжет накладывались впоследствии отзвуки реальных исторических событий. Уже неоднократно обращалось внимание на то, что название ванов в скандинавской мифологии перекликается с названием венедов, которым германцы называли славян. В пользу этого предположение говорит и имя мудрейшего из ванов Квасира, о связи которого со славянским словом **квас** говорили еще ученые XIX в. Этимологическая связь подкрепляется семантической: скандинавские мифы сообщают, что впоследствии Квасир был убит, а из его крови был изготовлен мед поэзии. Подтверждает это и весьма ограниченное распространение данного корня в других индоевропейских языках: лат. *cāseus* «сыр», алб. *kos* «кислое овечье молоко», др.-инд. *kváthati* «кипятит, варит», *kvāthas* «отвар»¹³⁷. Таким образом, даже с лингвистической точки зрения данное имя было заимствовано скандинавами у славян, поскольку по сравнению с **квасом** другие индоевропейские термины гораздо дальше отстоят от интересующей нас формы. Однако данное обстоятельство говорит о том, что на ванов были действительно перенесены представления предков скандинавов о венедах. Этому полностью соответствует локализация Снорри Стурлусоном Асгарда к востоку от Танаквисля-Дона, а жилища ванов – у устья этой реки. Весьма показательно, что в качестве предлога или причины войны «Прорицание вельвы» указывает появление среди асов колдуньи Гульвейг (буквально «сила золота»). Весьма примечательно, что по названию золота и серебра славяно-балто-германский регион однозначно выделяется как единая зона, жители которой одинаково называли эти драгоценные металлы: «Причем названия золота и серебра объединяют балто-славянский ареал с германским: лтш. *zelts* – ст. – слав. **злато** – др. – в. – нем. *gold*; лит. *sidabras*, др. – прус. *sirablan*, лтш. *sidrabs* – ст. – слав. **серебро** – др. – в. – нем. *silabar*, гот. *silubr*. Название золота в указанных языках объединяет, помимо корня, также и общность дентального суффикса. Но латышское слово отличается по огласовке корня и является изолированным в балтских языках (ср. лит. *auksas*, др. – прус. *ausis*)»¹³⁸. Очевидно, что оба драгоценных металла достаточно активно использовались в качестве средства обмена или платежа в Балтийском регионе, чем и оказалось обусловлено их общее название на разных берегах этого моря. Все это говорит о том, что в мифе о войне асов с ванами и их последующем примерении с обменом заложниками отразились весьма ранние славяно-германские контакты, результатом которых стало появление какой-то группы венедов-ванов в германской среде.

В силу этого возникает вопрос о связи со славянами культа Нерты. Само это имя восходит к индоевропейскому корню **ner-/nōr**, обозначающему целый ряд связанных с водой мифологических персонажей: nereid, дочерей Нерея, сына Понта и Геи в греческой мифологии, скандинавских норн, сидящих у источника Урд, описанную Тацитом богиню земли Нерту, лит. *perove*, *pīra*, лтш. *para*, а также класс жрецов у пруссов, имеющих отношение к погружению в воду, – *neruttei*. К этому же кругу понятий относятся имена богини плодородия Нореи, главной богини Норика, давшей свое имя данной провинции; сабинской богини Нерии, быв-

¹³⁴ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 106.

¹³⁵ Мелетинский Е.М. Нертус // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 213.

¹³⁶ Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995. С. 12.

¹³⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967. С. 218.

¹³⁸ Откупщиков Ю.В. Балто-славянская ремесленная лексика // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 46.

шей супругой Марса, др.-инд. Нарака «дыра», «подземное царство», слав. **нора**, лит. *ner̃ti* – «нырять», «погружаться в воду»¹³⁹. Как видим, корень **нер-** в индоевропейских языках был связан с понятиями земли, влаги, низа. На Руси был широко распространен культ Матери Сырой Земли, также указывающей на связь с влагой богини земли. Поскольку убедительной этимологии Неревского конца в Новгороде до сих пор не предложено, можно предположить, что его название было связано с низом и представляло естественную оппозицию Славенскому концу, другим названием которого было Холм. Кроме того, в новгородской Деревской пятине в документах XV в. отмечается деревня Панеретье, в том же регионе известна местами уходящая под землю карстовая речка Понеретка. В.Л. Васильев полагает, что это селение первоначально носило название Нерета, сопоставляя его с рекой Нерета (Нарата, Наратка, Наротка, Нарет) в Витебской губернии, озером Нерето (Веребье) в Торопецком уезде, рекой Неретка (лит. *Nereta*) и селом Нерета в Каунасской губернии, рекой Неретва в Волынской губернии, в Литве рекой *Nereta*, *Nerotis*, в Латвии рекой *Nerēta* (вост. – лтш. *Narata*), *Neretiņa*¹⁴⁰. Аналогичная река, давшая название жившему на ней в Средневековье славянскому племени, известна и в Сербии: «Живя близ моря и устья реки Неретвы, судоходной в нижнем течении, и имея в своем распоряжении соседние острова, неречане, благодаря такому выгодному положению, рано стали отважными мореходами, образовали сильный флот и сделались страшны для соседних стран»¹⁴¹.

Следует отметить, что описанный Тацитом ритуал омовения изображения Нерты в озере перекликается с русским словом **макать**, то есть опускать в жидкость и вынимать, от которого В.И. Даль производил название славянской богини Мокоши. Эта этимология находит себе полную аналогию в одном из вариантов русского духовного стиха о «Голубиной книге», испытавшего на себе заметное западнославянское влияние. Данный стих описывает омывание Богородицы в Океане-море:

Посреди моря Океанского
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа Римского...
Из той из церкви из соборной,
Из собороной, из богомольной,
Выходила Царица небесная;
Из Океане-море она омывалася;
На собор-церковь она Богу молилася:
От того Океан всем морям мати¹⁴².

Как было показано мною в исследовании об этом произведении, церковь Климента посреди моря представляла собой замаскированное упоминание языческого храма Святовита на Рюгене, память о котором долгое время хранилось на Руси уже после ее крещения. Один этот ритуал можно было бы счесть результатом случайного совпадения, если бы не ряд других фактов. Выше уже отмечалось, что имени богини Нерты в описании Тацита соответствуют как название племени неретвян на берегах Адриатического моря, так и название Неревского

¹³⁹ *Топоров В.Н.* Мифопоэтический образ бобра в балтийско-славянской перспективе: генетическое, ареальное и типологическое // Балто-славянские исследования. 1997. М., 1998. С. 455 – 460.

¹⁴⁰ *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия с префиксом *по-/на-* на Русском Северо-Западе // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 9 – 10.

¹⁴¹ *Грот К.* Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове. СПб., 1880. С. 175.

¹⁴² *Безсонов П.* Калеки переходные. М., 1861. Вып. 2. С. 303 – 304.

конца в Новгороде. Кроме того, аналогичный описанному Тациту ритуал был известен и в Чехии, причем и там речь шла именно об изображении богинь: «В Богемии в день четвертой недели Великого поста народ ставил на телегу болванов Марциани и Зевони, которых носили со славой и со скорбным пением. Потом же бросали в озеро или в реку...»¹⁴³

В свете ранних славяно-германские контактов в области мифологии несомненный интерес представляет и название еще одного племени, входившего в религиозный союз, существовавший на севере Германии в I в. н. э. При его описании Тацит отмечал, что в его состав наряду с варинами и англиями входило также племя свардонов, название которых перекликается с именем славянского бога-кузнеца Сварога. В более поздних источниках данное племя более не фигурирует, однако его название напоминает свариков, упомянутых равеннской «Космографией» где-то около Вистулы. Названия обоих племен перекликаются как с именем славянского бога неба Сварога, супруга богини земли, так и с именем его сына Сварожича-Радигоста, культ которого впоследствии был весьма распространен у западных славян. О том, что с образом этого славянского божества германцы познакомились достаточно рано, свидетельствует и упоминание великана Сваранга в Старшей Эдде. В одной из ее песен Тор говорит:

На востоке я был,
Поток охранял,
Со мною схватились
Сваранга дети;
Камни кидали...¹⁴⁴

То, что божество одного народа превратилось в великана в мифологии другого народа, вряд ли удивительно. Гораздо интереснее то, что речь в данном отрывке идет о детях Сваранга: в славянской мифологии у Сварога действительно было два сына – Дажьбог и Сварожич-Радигост, причем культ обоих был зафиксирован у славян, живших на севере современной Германии.

Помимо контактов с англами у варнов в римскую эпоху фиксируется еще одно чрезвычайно интересное направление связей. Около 77 г. н. э. античный энциклопедист Плиний Старший оставил следующее описание варварских племен: «Германские племена распадутся на пять групп: 1) вандилиев, часть которых составляют бургундионы, варины, харины, гутоны...»¹⁴⁵ Таким образом, в течение какого-то периода варины входили в племенной союз вандалов, впоследствии прославившихся тем, что в 455 г. разграбили Рим. Они также на какое-то время сумели создать в Северной Африке собственное королевство, однако впоследствии оно было уничтожено Византией, а вандалы как народ бесследно исчезли с лица земли. С этим племенем связана одна до сих пор окончательно не решенная историческая загадка. С одной стороны, современные ученые относят их к числу восточных германцев. Основания для этого есть: имена королей вандалов являются германскими и единственный дошедший до нашего времени вандальский текст (начало молитвы) также относит их язык к восточногерманской семье языков. Однако сами германские средневековые авторы внезапно соотносят с вандалами славян. Это отождествление в латиноязычных хрониках начинается весьма рано. В Ведастинской хронике, посвященной событиям во Франкском государстве вплоть до 899 г., при описании событий V в. упоминаются завоевавшие Рим вандалы, о которых чуть позже дается следующее разъяснение: «Vandalos, quos nunc appellant Guenedos» – «Вандалы, которых теперь мы называем гвенеды», то есть венеды. Однако так латиноязычные хронисты называли

¹⁴³ Орбини М. Царство славян. М., 2015. С. 155.

¹⁴⁴ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М., 1975. С. 222.

¹⁴⁵ Древние германцы. М., 1937. С. 47.

именно славян. В описаниях чудес аугсбургского епископа Адальриха (923 – 973) польский князь Мешко I именуется *dux Wandalorum*¹⁴⁶. В немецких хрониках это отождествление прослеживается с XI в.: «Итак, область славян, самая обширная в Германии, населена винулами, которых некогда называли вандалами...»¹⁴⁷ Вслед за Адамом Бременским это же отождествление повторяет и Гельмольд (I, 2).

Со стороны франкских авторов данное отождествление можно было бы объяснить плохим знанием истории как славян, так и вандалов, однако подобное вряд ли можно отнести к немецким хронистам, сочинения которых являются основным источником по истории западных славян на территории современной Германии. Единственное, в чем их можно было бы заподозрить, так это в незнании истории вандалов, однако, как церковные авторы, они вполне могли быть знакомы с произведениями, описывающими эпоху Великого переселения народов. Есть еще одно возможное объяснение такого странного, на наш взгляд, отождествления: славяне впоследствии заняли ту территорию, где раньше жили вандалы, и это послужило средневековым хронистам достаточным основанием для подобного отождествления. Хотя полностью исключать подобную возможность нельзя, отметим, что аналогичное отождествление неоднократно встречается и в славянской традиции. Рассмотрим соответствующие примеры и попробуем выяснить причины, которые могли обусловить подобные утверждения.

Во-первых, данное отождествление встречается нам у потомков ободритских князей. Признав в конечном итоге над собой верховную власть германского императора и крестившись, они стали правителями Мекленбургского герцогства. Процесс вхождения в состав немецкой феодальной знати потомков славянских князей сопровождался их неизбежной германизацией, в ходе которой перенимались язык, религия и культура победителей. Тем не менее даже после германизации у мекленбургских герцогов сохранялась память о происхождении их рода, которая в итоге была письменно зафиксирована в виде так называемых мекленбургских генеалогий. Подобной устойчивости родовой традиции в условиях утраты изначальной культуры своего народа не приходится удивляться: в средневековой Европе генеалогия являлась одним из средств обоснования прав на владение землей, и, следовательно, в сохранении своей родословной мекленбургские герцоги были материально заинтересованы. Насколько мы можем судить, фиксация этой традиции начинается достаточно рано, и уже в 1226 г. в Гюстрове была заложена церковь Святой Цецелии, в которой на камне была вырезана мекленбургская родословная¹⁴⁸. Таким образом, хоть в своем окончательном виде мекленбургские генеалогии были написаны или опубликованы в XVII–XVIII вв., они восходят к более ранней, средневековой традиции.

Мекленбургский автор XV в. Николай Марешалк Турий свое сочинение назвал «Анналы герулов и вандалов». С. Бухгольц в своей книге «Опыт по истории герцогства Мекленбург», изданной в 1753 г., называет богами вандалов Прове, Сиву, Радигоста, Триглава и Святовита, бывших, как нам известно из средневековых источников, богами западных славян. Значительная часть упомянутых им вандальских королей носит чисто славянские имена, как Вислав (Wislav) I, Витцлав (Witslav) I, Мечислав (Miecslav) I и т. д. Наконец, вандальскими королями С. Бухгольц именует Скалко и Струнико, хоть и не включает их в мекленбургскую генеалогию¹⁴⁹. Однако оба последних правителя фигурируют уже у датского средневекового хрониста XII в. Саксона Грамматика в качестве вождей венедов¹⁵⁰. Все эти факты показывают, что под вандалами авторы мекленбургских родословных имели в виду венедов, то есть западных сла-

¹⁴⁶ Steinacher R. Wenden, Slawen, Vandalen. Eine frühmittelalterliche pseudologische Gleichsetzung und ihr Nachleben bis ins 18. Jahrhundert // Auf der Suche nach den Ursprüngen. Von der Bedeutung des frühen Mittelalters. Wien, 2004, S.353, 346.

¹⁴⁷ Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 40.

¹⁴⁸ Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005. С. 47.

¹⁴⁹ Buchholtz S. Versuch in der Geschichte Herzogthums Mecklenburg, Rostock, 1753. S. 29, 40 – 42, 35.

¹⁵⁰ Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4. История балтийских славян. СПб., 1874. С. 45 – 46.

вян. Легко понять и причины подобного отождествления: после покорения немцами западно-славянских земель потомкам славянских правителей для более легкого и быстрого вхождения в состав правящего класса Священной Римской империи германской нации весьма желательно было обзавестись «германской» родословной, подчеркивающей их равенство с основной массой немецкой знати. Следует отметить, что через ободритских князей с вандалами впоследствии связывали и основателя русской княжеской династии. В 1613 г. в Кельне была издана книга французского ученого Клода Дюре, в которой варяги отождествлялись с вандалами и венетами и говорилось, что именно от них и происходит Рюрик¹⁵¹. Однако в том же регионе мы видим и другой, более «демократичный» пример самоотождествления себя с вандалами. В так называемой вендской части Ганзейского союза, в которую входили расположенные на старинных западнославянских землях города Любек, Росток, Штральзунд и другие, в XVI в. чеканилась монета с надписью MONET-CIVITAT-WANDAL (рис. 13).

Рис. 13. Монета Ганзейского союза

Однако подчеркивание связей с вандалами не ограничивается одной только территорией Германии. Аналогичную попытку отождествления себя с вандалами мы видим и у поляков, которые также оказались втянутыми в культурно-политическую орбиту Германии, хоть и в меньшей степени по сравнению с ободритами. Автор «Великой хроники» приводит такую легенду о Ванде, дочери первого польского короля Крака, основателя Кракова: «Говорят, что у него [Крака] были два сына и одна дочь. Младший из них по имени Крак, для того чтобы наследовать отцу в королевстве, тайно, прибегнув к хитрости, убил старшего брата. Умер он одиноким, не оставив потомства и только одна его сестра по имени Ванда, что по-латыни означает “крючок”, осталась в живых. Пишут, что она была такой красивой и миловидной наружности, что всех, кто на нее смотрел, привлекала к себе своим приятным видом. Поэтому она и была названа “Ванда”, то есть “крючок”. Она, благоразумнейшая женщина, пренебрегая брачным ложем, великолепно правила Польским королевством согласно воле народа, пока весть о ее красоте не дошла до некоего короля алеманов; поскольку он не мог склонить ее к браку с ним ни деньгами, ни мольбами, [то], желая и надеясь достичь исполнения своих чаяний, он прибегнул к враждебным угрозам и нападениям со своим войском. Собрав большое войско, он приблизился к землям лехитов и пытался враждебно вступить в них. Упомянутая Ванда, королева лехитов, несколько не испугавшись, вместе со своими вышла навстречу его могущественным силам. Вышеупомянутый король, увидев, что она подошла со своими наводящими ужас полчищами, в смятении то ли от любви, то ли от негодования, воскликнул: “Пусть Ванда повелевает морем, пусть землей, пусть воздухом, пусть приносит жертвоприношения своим бессмертным богам, а я за вас всех, о знатные, принесу торжественную жертву подземным богам, чтобы как вы, так и ваше потомство непрерывно находились под властью женщины”. И вскоре, бросившись на меч, покончил с жизнью. Ванда, получив от алеманов клятвы в верности и вассальной зависимости, вернувшись домой, принесла богам жертвоприношения, соответствующие ее великой славе и выдающимся успехам. Прыгнув в реку Вислу, воздала долж-

¹⁵¹ Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005. С. 28.

ное человеческой природе и переступила порог подземного царства. С этих пор река Висла получила название Ванда по имени королевы Ванды, и от этого названия поляки и другие славянские народы, примыкающие к их государствам, стали называться не лехитами, а вандалитами»¹⁵². Понятно, что вся эта история является вымыслом средневекового автора, однако в словах, вложенные хронистом в уста короля алеманов, вполне возможно, отразились древние западнославянские представления о власти некоего женского божества над тремя сферами мироздания по вертикали. Весьма показательно, что в качестве первой стихии, владычество над которой король германцев признавал за Вандой, выступает именно море, а не земля, что роднит польскую традицию с новгородской, в которой название Неревского конца также указывает на водную стихию. Кроме того, что по имени легендарной правительницы все поляки стали именоваться вандалами, некоторые знатные польские фамилии, в том числе и род Корабиев, также возводили свое происхождение к вандалам¹⁵³. Утверждение автора о том, что не только поляки, но и их славянские соседи стали называться вандалитами, весьма показательно. Поскольку во время создания этой хроники ни чехи, ни жители Древнерусского государства не связывали свое происхождение с вандалами, следовательно, этими соседями поляков были покоренные Германией западнославянские племена, что дает нам указание для более точной датировки мекленбургских генеалогий. Это предположение подтверждает и то, что в XII в. Саксон Грамматик называет вандалами именно ободритов¹⁵⁴, в состав которых и входили варны.

Наконец, отголоски предания о какой-то связи вандалов со славянами встречаются нам на севере Руси. Общерусская традиция не знает этого мотива, однако Иоакимовская летопись сообщает следующее о далеком предшественнике новгородского старейшины Гостомысла: «И бе князь Ванда, владея славянами, ходя всюду на север, восток и запад морем и землею, многи земли на вскрай моря повоева и народы себе покоря, возвратися во град Великий. По сем Ванда послал на запад подвластных своих князей и свойственников Гардорика и Гунигара с великими войски славян, руси и чуди. И сии шедше, многи земли повоевав, не возвратишася. А Ванда разгневайся на ня, вся земли их от моря до моря себе покори и сыновом своим вдаде. Он имел три сына: Избора, Владимира и Столпосвята. Каждому из них построй по единому граду, и в их имяна нарече, и всю землю им разделя, сам пребывав во Велице граде лета многа и в старости глубоце умре, а по себе Избору град Великий и братию его во власть предаст»¹⁵⁵. Понятно, что и этот эпизод, если понимать его буквально, является вымыслом летописца, однако весьма интересно, что дети Ванды в Иоакимовской летописи носят славянские имена, что роднит ее с мекленбургскими генеалогиями, а сам Ванда рассматривается как отдаленный предшественник новгородского старейшины Гостомысла. Каких-либо политических мотивов придумывать подобный сюжет у русского летописца не было, да и сам Новгород, в отличие от западных славян, не был втянут в политическую систему Германской империи. Поскольку ни по сути, ни по форме данное предание не имеет ничего общего ни с мекленбургским, ни с польским, говорить о прямом заимствовании данного текста у западных славян также не представляется возможным. В силу всего этого можно предположить, что данный пассаж Иоакимовской летописи является смутным отголоском каких-то действительных контактов предков ильменских словен с вандалами.

Как легко может убедиться читатель, все три славянские традиции, говорящие о каких-то связях этих племен с вандалами, не связаны друг с другом текстологически. В них нет ни общих сюжетов, ни одинаковых имен, и это обстоятельство не позволяет высказывать предположение о влиянии одного источника на другой. Если для мекленбургской и польской традиции мы

¹⁵² «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 57 – 58.

¹⁵³ Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005. С. 100.

¹⁵⁴ Пауль А. Балтийские славяне от Рерика до Старигарда. М., 2016. С. 164 – 166.

¹⁵⁵ Татищев В.Н. История российская. Т. 1. М.–Л., 1962. С. 108.

еще можем предположить политическую заинтересованность в выдумывании этих сюжетов, то подобное объяснение совершенно не подходит к новгородской традиции. Единственное, что объединяет все эти три источника, так это указание на связь с вандалами в древние времена да расположение создавших их славянских народов близ Балтийского моря.

Следует также упомянуть и исследования лингвистов. На германском побережье Балтики они выделили три слоя топонимики: а) немецкую, которая составляет примерно 25 – 45 % всех названий и датируется от Средневековья до наших дней; б) западнославянскую, на долю которой приходится 55 – 75 % и которая датируется временем после разделения праславянского на различные диалекты и до XV–XVI вв. (преимущественно до XII–XIV вв.); в) так называемая дославянская топонимика, не славянская и не германская по происхождению. Было установлено практически полное отсутствие предшествовавшей славянской древнегерманской топо- или гидронимики в Восточной Германии. Единственное исключение составляет Бранденбург, где до гаволян в древности действительно жило какое-то германское племя. Что касается дославянского пласта, то он однозначно не этимологизируется ни из славянских, ни из германских языков и условно относится специалистами к «древнеевропейской гидронимии». А. Пауль, склоняясь к тем лингвистам, которые рассматривают данную гидронимию как «балтскую» или «балто-славянскую», показывает, к чему ведет эта гипотеза: «Следующий исторический вывод, неизбежно следующий из всего этого, – большей части “восточных германцев” в языковом смысле (кроме готов) на юге Балтики не было бы вообще. Варяны, руги, вандалы и прочие, известные уже по римским источникам племена, оказались бы праславянами»¹⁵⁶. Кроме того, нередки случаи, когда средневековые славяне на территории Германии хоронили своих мертвецов в могилах бронзового века, в связи с чем этот исследователь ставит вопрос: «Считали ли они тех древних погребенных в дольменах и курганах бронзового века своими предками?»¹⁵⁷ С другой стороны, еще в XIX в. у потомков славянского населения земли Бранденбург были зафиксированы предания о так называемой могиле короля Хинца – самом большом кургане в Германии, в котором в 900 – 800 гг. до н. э. был погребен местный вождь. Несмотря на неизбежные преувеличения, предания в целом верно описали содержание погребения, что было подтверждено в ходе последующих раскопок¹⁵⁸. Кроме того, следует вспомнить совпадение названий целых пятнадцати племен, которые в первые века нашей эры упоминаются в источниках как германские, а спустя примерно пятьсот лет – как славянские. Внимание на это в свое время обращали С.П. Толстов и В.П. Кобычев, однако исчерпывающего объяснения этой загадки до сих пор нет. Вопросы эти, подчеркнем, весьма сложные и пока далекие от окончательного разрешения, однако данные топонимики ставят под сомнение германскую принадлежность тех племен, которых ученые традиционно именуют восточными германцами.

Возможно, объяснить все эти противоречивые факты удастся, если мы сопоставим исторические данные с генетическими. Один из ведущих западных специалистов Г.И. Диснер указывает, что прародина вандалов первоначально находилась в бухте Осло, современной столицы Норвегии, и Ютландии, последняя, по всей видимости, вошла в зону расселения этого племени после ухода кимбров на юг. Он отмечает, что мыс Скаген ранее назывался Вандильскаги, а сейчас Северная Ютландия называется Вендсюссель¹⁵⁹. Вендами, следует отметить, германцы называли именно славян. Однако если мы обратимся к **составленной** П. Андерхиллом и др. карте распространения R1a-Z284 (рис. 14), то мы увидим, что ареал распространения данной субгруппы ограничен южной частью Норвегии, севером Дании и западными областями Шве-

¹⁵⁶ Пауль А. На каком языке говорили на юге Балтики до славян // <http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/>

¹⁵⁷ Пауль А. Балтийские славяне от Рерика до Старигарда. М., 2016. С. 37.

¹⁵⁸ *nap1000*. Мегалиты и курганы бронзового века в народных преданиях и легендах // <http://nap1000.livejournal.com/39582.html>

¹⁵⁹ Диснер Г.И. Королевство вандалов. СПб., 2002. С. 21, 24.

ции, а ее пик, где частота составляет около 20 %, расположен именно к западу от Осло. Как известно, гаплогруппа R1a совершенно несвойственна германским племенам и в Европе распространена преимущественно у славян и балтов. Данный пример является единственным и также нуждается в объяснении своего происхождения. У славян эта субгруппа почти не встречается, что означает, что она отделилась от основного ствола достаточно рано. Поскольку пик ее распространения находится примерно в том же регионе, где и прародина вандалов, возникает вопрос: а не были ли вандалы ее носителями? В таком случае они были протославянами, достаточно рано оторвавшимися от основного массива и переселившимися на юг Норвегии в эпоху экспансии культур боевых топоров и шнуровой керамики. В Швеции и Южной Норвегии в ту эпоху были распространены одиночные погребения с ладьевидными топорами и сосудами со шнуровым орнаментом¹⁶⁰. Проживая долгое время в германской среде, вандалы неизбежно должны были подвергнуться германизации, однако своими соседями они вполне могли продолжать восприниматься как славяне. Подчеркну, что это не более чем гипотеза, для своего подтверждения нуждающаяся в детальном исследовании южнонорвежской топонимики и гидронимии. Тем не менее она наиболее логично объясняет как двойственное восприятие вандалов, так и происхождение субгруппы R1a-Z284.

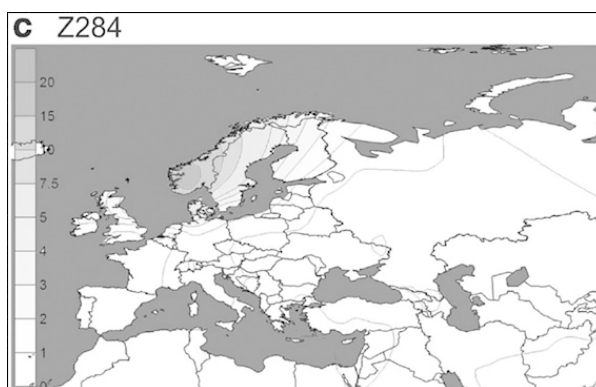

Рис. 14. Составленная П. Андерхиллом и др. карта распространения R1a-Z284

На существовавшие в древности какие-то контакты вандалов с русами указывает имя одного вандальского вождя. При описании событий 169 – 170 гг. н. э. Дион Кассий упоминает асдингов, одну из частей племени вандалов: «Асдинги, которыми предводительствовали Раус (Ραός, Raus в английском переводе) и Рагт, пришли в Дакию в надежде там поселиться и получить за союз деньги и область»¹⁶¹. Имя первого вождя вандалов полностью соответствует переходной форме от индоарийской Расы к Руси, уже встречавшейся нам на Древнем Востоке. Мысль о том, что один из первых королей вандалов, известный нам по письменным источникам, если и не был русом, то мог как-то с ними быть связан, на первый взгляд может показаться невероятной. Однако она окажется не столь необычной, если мы обратимся к типологически схожему примеру готов, один из двух королевских родов которых носил название Балты. Даже если предположение Х. Вольфрама о том, «что Балты были именно балтами»¹⁶² и выглядит достаточно смелым, однако данный факт явно показывает наличие каких-то балто-готских контактов на уровне правящих династий. Равным образом и имя бургундского короля Гунтера-Гуннара указывает не на его гуннское происхождение в буквальном смысле, а лишь на наличие контактов между обоими племенами. Таким образом, имена предводителей вар-

¹⁶⁰ Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С. 283.

¹⁶¹ Dio's Roman Histore. V. 9. L., 1879. P. 14 – 15.

¹⁶² Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 56.

варских племен в эпоху Великого переселения народов отражали различные межплеменные связи, и в этом контексте в существовании русско-вандалских контактов нет ничего необычного. Поскольку варины, как отмечалось выше, входили в вандальский племенной союз, это, скорее всего, объясняет механизм появления у вандалов имени Раус.

Следует обратить внимание на еще одно интересное совпадение. Иордан следующим образом описывает завещание вандальского короля Гейзериха: «Перед кончиной призвал он ряд своих сыновей и приказал им, чтобы не было между ними борьбы в домогательстве власти, но чтобы каждый по порядку и по степени своей, в случае если переживет другого, т. е. старейшего, чем он, становился наследником; а за ним шел бы следующий»¹⁶³. Для германцев, которые, согласно Тациту, выбирали своих царей, данный порядок наследования был необычен, но он весьма напоминает лестничную систему перехода киевского престола в Древней Руси. Однако Гейзерих умер в Африке в 477 г., и, следовательно, между двумя системами наследства лежит не только территориальная, но и временная пропасть более чем в пятьсот лет. Поскольку королевство вандалов в Африке было вскоре уничтожено, после чего этот народ исчез с лица земли, то никаких прямых контактов между ним и Русью в последующий период быть не могло. Тем не менее подобный порядок престолонаследования был достаточно редок в Средневековье, что приводило к самым неожиданным гипотезам по поводу происхождения древнерусской лестничной системы. Единственно возможное объяснение подобного сходства состоит в том, что данная система передачи власти в роду существовала у вандалов еще в период их контактов со славянами, до того, как они начали свое движение на юг, а Гейзерих впоследствии просто закрепил уже существовавший обычай. В.И. Меркулов обратил внимание, что Мекленбургский дипломатический инвентарий 1760 г. также начинается с упоминания завещания этого вандальского короля о порядке наследования¹⁶⁴. Об укорененности такой системы в западославянских землях свидетельствует «Хроника» польского епископа Кадлубка, отмечавшего, что у балтийских славян княжеская власть принадлежала старшему по рождению¹⁶⁵. Это также свидетельствует в пользу ранних славяно-вандалских контактов, в ходе которых и могло происходить как заимствование имен, так и системы передачи власти в правящей династии. Все это говорит о том, что между двумя племенами действительно существовали какие-то контакты, более поздним отражением которых и стали рассмотренные летописные и генеалогические сюжеты.

Кроме того, на южном побережье Балтики был еще один регион, где различные источники впоследствии отмечали неожиданное присутствие русов. Немецкий автор XI в. Адам Бременский, перечисляя острова Балтийского моря, констатировал: «Третий остров зовется Земландией, и расположен по соседству с русами и поляками; населяют его сембы или пруссы, люди весьма доброжелательные...»¹⁶⁶. Наиболее вероятная локализация этого острова – полуостров Самбия, ошибочно принятый немецким хронистом за остров. Соседство пруссов с поляками понятно, но с Древнерусским государством это балтское племя непосредственно не граничило. Следовательно, речь в этом фрагменте у Адама Бременского идет не о киевских русах, которых он также знал, а о какой-то другой группе русов, находившихся в непосредственной близости от пруссов и поляков на побережье Балтийского моря. Весьма показательным, что именно на полуострове Самбия нам встречается топоним Раушен (нем. Rauschen, польск. Ruszowice, Ruskowo (Русково), лит. Raušiai, переименованный в 1946 г. в Светлогорск), который расположен на северной оконечности Самбийского полуострова в 40 километрах от современного Калининграда. Первое упоминание о нем относится к 1258 г. в форме Рузе-Мотер или

¹⁶³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 99.

¹⁶⁴ Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005. С. 28 – 29.

¹⁶⁵ Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антиномизм. М., 2003. С. 138.

¹⁶⁶ Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 104 – 105.

Рауше-мотер¹⁶⁷. О русах по соседству с пруссами упоминают и другие источники. Английский писатель XIII в. Роджер Бэкон так описывает Восточную Европу: «А с севера этой провинции находится великая Руссия, которая точно так же от Польши, с одной стороны, простирается до Танаиса; но в большей своей части она граничит на западе с Левковией (Литвой. – М. С.)... И эти земли, а именно Эстонию, Ливонию, Семи-Галлию, Куронию, обнимает упомянутая Левковия, а вокруг нее с обеих сторон упомянутого моря расположена великая Руссия, а граничит она в южной части с Пруссией и Польшей. Польша же лежит к югу от Пруссии...»¹⁶⁸ Как видим, Бэкону также известна Киевская Русь, лежащая к востоку от Литвы и Польши. Однако при этом он утверждает, что великая Руссия располагается на Балтийском море по обеим сторонам Литвы, причем в западной своей части она граничит в южной части с Пруссией и Польшей.

Оттон Фрайзингенский около 1157 – 1158 гг. так описывает границы Польши: «Польша, которую сейчас населяют славяне... находится в пределах Верхней Германии, имея с запада реку Одер, с востока – Вислу, с севера – Русь (Rutheni) и Скифское море...»¹⁶⁹ Очевидно, что находящаяся на севере Польши и балтийском побережье Русь не могла быть Древнерусским государством. Анализируя два других источника, А.Г. Кузьмин писал: «Но есть другой документ, который локализует Поморскую Русь именно в непосредственной близости от Кракова. Это “Дагоме юдекс”, документ конца X в., известный в ряде списков не позднее XII в. В связи с пожалованием римской церкви (папе Иоанну XV) каких-то польских территорий в документе упоминается местность “Русь”, границы которой простираются от Пруссии до Кракова и реки Одера. “Русь”, таким образом, локализована в междуречье Одера и Вислы. Видимо, эта же “Русь” имеется в виду в сообщении комментатора Адама Бременского, утверждающего, что польский король Болеслав в союзе с Оттоном III (ум. 1002 г.) подчинил себе всю Славонию, Руссию и Пруссию. “Руссия” здесь оказывается между “Славонией”, как нередко называли Западное Поморье, и Пруссией»¹⁷⁰.

Наконец, в записанной достаточно поздно «римской» легенде о происхождении Рюриковичей говорится: «Обладающе Августу всю вселенную, и бысть изнеможе, и нача рядь покладати на вселенную братьи и сродникомъ своимъ: постави... брата своего Пруса въ березѣхъ Вислы рѣкы во градъ Мадборокъ, Туронъ, Хвойница, и преславы Гданескъ, и иныхъ многихъ городовъ по рѣке глаголемую Нѣмонъ, впадшею въ море, и до сего часа по имени его зовется Прусская земля. А отъ Пруса четвертоенадесять колѣно Рюрикъ». Потом по совету Гостомысла новгородцы «шедше въ Пруськую землю, обрѣтоша князя Рюрик, суца отъ роду Римьска царя Августа»¹⁷¹. Таким образом, именно Висло-неманский регион поздние отечественные авторы рассматривали как прародину Рюрика. Вопрос о присутствии каких-то русов на территории Пруссии мы рассмотрим ниже, а пока ограничимся польской территорией близ Вислы. Обычно считается, что легенда о Рюрике как далеком родственнике римского императора Августа была сочинена для возвеличивания великокняжеской власти, однако о том, что в ее основе лежат какие-то действительные факты, говорят данные топонимики: на Висле, относительно недалеко от Мальбурка, имеется город Русиново¹⁷².

В книге «Загадки римской генеалогии Рюриковичей» мною было показано, что к этим русам на Висле, по всей видимости, относится один фрагмент Птолемея. Описывая Великую Германию, он, при перечислении живущих в его эпоху на северном берегу океана племен, называет сначала кимвров, саксов, фародинов, сидинов у реки Виадуга (Одера), «и после них рути-

¹⁶⁷ [http://ru.wikipedia.org/wiki/Светлогорск_\(Калининградская_область\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Светлогорск_(Калининградская_область))

¹⁶⁸ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 212.

¹⁶⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. М., 2009. С. 250.

¹⁷⁰ Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории (далее – ВИ). 1970. № 10. С. 42.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 231.

¹⁷² Польша. Общегеографическая карта. М., 1994.

клеи (Ρουτίκλειοι) до Вистулы (Вислы. – М. С.)»¹⁷³. Загадочные рутиклей больше не встречаются ни в одном источнике. Очевидно, что названия с далеких берегов Балтики доходили до Александрии через длинный ряд посредников, языки которых отличались от языков, на которых говорили северные племена. В силу этого искажение первоначальных названий представляется вполне возможным. Выше мы уже встречались с тем, что в Средние века и Новое время русов называли рутенами. На примере этого латинизированного названия мы видим, как легко *с* могло переходить в *т*. Сочетание *-кл* как будто никак не может быть соотнесено с названием наших далеких предков, однако при рассмотрении этого вопроса следует иметь в виду два момента. Во-первых, сочетание двух этих согласных было весьма распространено как в греческом языке (клер, клерухи, клепсида, климат, позднее склавины, а также личные имена Геракл, Клеомен, Клеон, Клеопатра и т. д.), так и – в меньшей степени – в латыни (клиент, Климент). Соответственно, вторая буква в интересующее нас слово могла быть добавлена представителями античного мира по привычке. Во-вторых, известен случай, когда название наших далеких предков иноземный автор передавал именно через *к*. Самым первым упоминанием русов в армянской литературе считается известие Мовсеса Каланкатуаци «о незнакомом и чуждом народе рузиков», которые после 914 г. предали мечу Партав, столицу Алуанка, ибо «были сильны и непобедимы»¹⁷⁴. Соответственно, рутиклей-рутики Птолемея и рузики армянского автора могут представлять собой искаженную форму названия русичи в неславянских языках. Подобно тому как в первом слове *с* заменилось на *т* (*s*→*th*), так и *ч* заменилось на *к* с последующим добавлением *л* (*ch*→*k*→*kl*). Таким образом, фонетически рутиклей вполне могут быть связаны с названием русов.

Данные языкознания позволяют сделать еще одно интересное наблюдение. Рассматривая с чисто лингвистической точки зрения названия русов в древнейших германских письменных памятниках, А.В. Назаренко пришел к следующему выводу: «Формы с геминированным согласным *Ruzzi* не объяснимы как заимствования из славянских языков и заставляют предполагать, что они явились результатом второго верхненемецкого передвижения согласных. При этом гипотетической праформой должен был служить этноним (?) с основой *Rut*... Исходя из хронологии передвижения, надо допустить, что этноним (?) *Rut* был известен южнонемецким диалектам еще в додревневерхненемецкую эпоху, по крайней мере уже около 600 г., т. е. задолго до появления в начале IX в. первых достоверных сообщений о народе русь»¹⁷⁵. Далее ученый отметил, что существование формы *Ruzzi* позволяет предполагать одновременное существование в додревневерхненемецком двух форм на *Rut* и на *Rutt*, хронологически датируемых III–V вв. н. э. либо, по другому возможному варианту, V–VI вв. Однако где древние германцы в эти ранние времена могли столкнуться с формой на *Rut*? Из всех известных племенных названий, которые хотя бы гипотетически могут быть как-то связаны с русами, данному корню соответствуют лишь названия рутенов и рутиклеев. Для очерченных А.В. Назаренко временных рамок или более раннего периода никаких свидетельств контактов континентальных германцев с рутенами нет. Если же обратиться к рутиклеям, то свидетельства подобных контактов существуют. Таким образом, название рутиклей могло являться искаженной формой названия русичи в неславянских языках.

¹⁷³ Claudii Ptolemaei. Geographia. T. 1. Lipsiae, 1843. S. 118.

¹⁷⁴ Арутюнова-Фиданян В.А. «Русы» в Закавказье (X в.) // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 6.

¹⁷⁵ Назаренко А.В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX–XI вв. // Вопросы языкознания (далее – ВЯ). 1980. № 5. С. 56.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.